

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ СИЛЛОВА

КРЕМЛЬ 2222

МИТИНО

Олег
Бондарев

Кремль 2222

Олег Бондарев
Кремль 2222. Митино

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Бондарев О. И.

Кремль 2222. Митино / О. И. Бондарев — «АСТ»,
2017 — (Кремль 2222)

ISBN 978-5-17-102466-6

Отряд дружинников по дороге в Кремль встречает странного седовласого мужчину, одетого в грязные лохмотья и вооруженного старым ржавым мечом. Неожиданно выясняется, что это – дружинник Казимир, чей отряд давным-давно сгинул неподалеку от Купола. Почему Казимир объявился лишь сейчас? И где он был так долго? По словам Казимира, виновные в исчезновении отряда скрываются в Митино, и молодой дружинник Игорь отправляется туда, надеясь отыскать своего отца, который тоже был в пропавшем отряде...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-102466-6

© Бондарев О. И., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	10
Глава 2	29
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Олег Бондарев

Кремль 2222. Митино

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «КРЕМЛЬ» основана в 2011 году

© О. Бондарев, 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Пролог

Клинок меча блеснул в свете заходящего солнца и легко развалил голову визжащего рукокрыла напополам. Нетопырь затрясся в конвульсиях, и Игорь ударил его ногой в грудь, чтобы тот ненароком не повалился на самого дружинника. Поливая грязный бетонный пол мутной кровью, тварь отлетела к стене, врезалась в нее и медленно сползла вниз. Вслед за трупом тянулся широкий бледно-красный след.

Впрочем, дружинник отметил это лишь краем глаза. У него хватало проблем куда более важных и смертоносных – например, еще целая орава собратьев погибшего монстра, которые носились по коридорам, так и норовя вцепиться в какого-нибудь кремлевского хомо.

«И ведь, как назло, стрелять из пистоля нельзя, – мелькнула в светлой голове дружинника мысль. – Промохнешься мимо твари, а пуля в своего же срикошетит...»

Именно поэтому Игорь ловко отхлынул в сторону, не позволив очередному рукокрылу сбить его с ног, после чего резко развернулся и обрушил меч на правое плечо дезориентированного монстра. Удар пришелся в то самое место, из которого произрастала самая мощная перепонка крыла, и оказался такой страшной силы, что меч провалился в тело мута до самой грудины. Тварь задрожала и мгновение спустя повисла на мече безвольной тушей, постепенно ненароком выворачивая рукоять из ладоней воина. Мысленно чертыхнувшись, Игорь позволил неверному клинку выскользнуть, и нетопырь растекся по полу темной грудой, а меч остался торчать из его тела, точно могильный крест. Дружинник, меж тем, рванул к окну, ведь сзади послышался отчаянный вопль новой твари, которая, видимо, появилась из коридора. На ходу Игорь выхватил из подмышечных ножен небольшой кинжал и, шумно выдохнув, прыгнул вперед.

Не в окно – на пол.

В воздухе дружинник развернулся и перегруппировался, поэтому приземлился не на брюхо, а на бок, лицом к приближающемуся мутанту. Рукокрыл оказался туповатым и не слишком проворным – он по инерции пронесся над Игорем и, тем самым, позволил человеку выиграть столь необходимое время, нужное для ответной атаки. Моментально оказавшись на ногах, разведчик вонзил кинжал мутанту в затылок, в то самое место, где череп твари соединялся с ее не в меру гибким позвоночником. Смерть от этой страшной раны наступила практически мгновенно. Выдернув клинок, дружинник резко обернулся и в два шага оказался рядом с торчащим из мертвой туши мечом. Игорь проделал все настолько быстро, что ухватился за рукоять раньше, чем убитый мут за спиной упал на пол. Упершись подошвой сапога в обмякшее тело поверженной твари, дружинник потянул меч вверх, и он, с трудом, будто неохотно, медленно пополз из страшной раны наружу.

Тут в дверном проеме появился еще один рукокрыл. Проклиная все на свете, Игорь поднажал и все-таки выдернул меч. Но усилие было таким, что он лишь чудом удержал равновесие. И мут, разумеется, не преминул воспользоваться заминкой – отчаянно вопя, он разогнался и врезался в дружинника, сбив его с ног. По счастью, на сей раз Игорь умудрился сохранить клинок – вцепился в него, как в свой последний шанс на спасение.

Приземление на спину оказалось довольно болезненным: тварь припечатала его к полу, попутно выбив из могучих легких человека последний воздух, и яростно вскричала. Впрочем, Игорь был к такому повороту вполне готов – благодаря урокам, которые он получил, еще будучи юнаком. Мастера любили повторять, что главное в любой ситуации – не терять концентрацию, ни на секунду. В бою равных противников всегда во главе угла стоят сущие мелочи. Иными словами, если ты не подарил врагу драгоценные секунды на развитие его успеха, а сразу вернулся и контратаковал, то бой по-прежнему остается *равным*.

Игорь знал, что в первое мгновение после приземления мутант не будет устойчив, и потому, не теряя времени даром, спихнул его с себя ловким пинком. Рукокрыл от неожиданности плюхнулся на пол и пропахал по нему мордой. Игорь вскочил и невольно болезненно сморщился – удар мута не прошел бесследно, и грудина порядочно ныла – но жалеть себя не было ни времени, ни возможности. Мутант успел вскочить и даже повернуться к дружиннику устрашающей мордой, но это позволило ему лишь увидеть собственную смерть – клинок со свистом разрезал воздух и обезглавил тварь. Кровь брызнула во все стороны, в том числе – Игорю на лицо, но он и так уже был в ней весь: кольчуга, штаны, даже на сапогах были красные капли. Уродливая голова нетопыря отлетела в сторону и, срикошетив от стены, плюхнулась дружиннику под ноги. Игорь удостоил ее лишь мимолетным взглядом и снова повернулся к дверному проему.

Он хотел знать, как обстоят дела у остальных членов отряда, но разумно помалкивал, дабы на его голос не слетелись новые рукокрылы. В принципе, насколько Игорь успел заметить, в «гнезде», куда они невольно забрели, дремало не так много тварей – максимум полторы дюжины, а то и того меньше, но все были здоровенные, как на подбор. Впрочем, сражаться в узких коридорах таким вот крупным нетопырям было куда сложнее, чем на открытой местности, ведь стены лишали мутантов их главного преимущества – крыльев. Светловолосый дружинник невольно поежился, представив, как он стоит посреди заброшенного пустыря, а сверху на него пикирует десяток разозленных и крайне голодных тварей.

«Да уж, такими темпами и до двадцати рискую не дожить!» – подумал дружинник, утирая пот со лба грязным рукавом изодранной в бою рубахи.

Новые муты не спешили навеваться в комнату, куда Игоря по собственной глупости загнали другие, не в меру ретивые нетопыри. С одной стороны, небольшая передышка была дружиннику на пользу: грудь ныла, да и, несмотря на пресловутый D-ген, силы воинов Кремля все-таки небезграничны. Но с другой, разве можно стоять без дела, когда твои товарищи, вероятно, бьются с озверевшими мутантами не на жизнь, а на смерть? Скрипнув зубами, Игорь поудобней перехватил меч и двинулся в направлении коридора. Он ступал крайне осторожно, чтобы не издавать лишнего шума. Вдали слышны были звуки битвы: похоже, не всем повезло так быстро расправиться с противниками. Светловолосый дружинник против воли ускорил шаг – если братьям нужна помощь, то он обязан поспешить.

У самого порога Игорь остановился и осторожно выставил меч в проход – вдруг кто-то позарится, среагирует на движение? Но, судя по всему, в коридоре никого не было. Тогда, осмелев, дружинник выскочил из комнаты и со всех ног бросился к источнику шума – туда, где, судя по всему, по-прежнему кипел ожесточенный бой.

К дверному проему, за которым мелькали, блестя кольчугой, могучие тела собратьев-дружинников и отвратительные туловища рукокрылов с их перепончатыми крыльями. Он мчался на всех парах, полностью сконцентрировавшись на цели...

И именно поэтому оказался застигнут врасплох.

Тварь появилась откуда-то сбоку – видно, волей случая залетела в одну из комнат, а теперь вот, завидев дружинника, решила напасть. Как бы то ни было, Игорь к этой атаке готов не был. Рукокрыл врезался в него и со всего размаху впечатал в стену. Воин ударился затылком, картинка перед глазами заплесала...

А потом грянул выстрел.

И Игорь проснулся.

Он лежал на спине и смотрел в потолок, нависающий над ним, словно огромная грозовая туча. Понадобилось время, дабы светловолосый дружинник понял, что находится не в полуразрушенном доме посреди Москвы, а в Казарме. Дрожащая рука Игоря скользнула вверх-вниз по той поверхности, на которой он лежал. Судя по всему, это был старый матрац.

Уж точно не бетонный пол, усыпанный мусором. Старый. Продавленный. Матрац. Вполне обыкновенный для их Казарм.

Повернув голову вправо, светловолосый дружинник посмотрел на товарища, храпящего на соседней койке. При желании можно было протянуть руку и коснуться спящего, и у Игоря даже мелькнула в голове шальная мысль так и поступить, но он все-таки сдержался. Не дело из-за своих ночных кошмаров товарища будить. У него, как и у остальных защитников крепости, вчера непременно был чертовски тяжелый день – просто потому, что в Москве двадцать третьего века все дни тяжелые. Ну а чего тут простого – постоянно защищать родную землю от посягательств мутантов, роботов и прочей дряни, которая только и мечтает отобрать у тебя последнее, в том числе и жизнь. Вот и храпят стрельцы после смены так samozабвенно, вдоволь натерпевшись за прошлый день... Дружинник их вполне понимал.

Ах да. Еще один момент: не дружинник, а стрелец. Переведен в связи с неспособностью проводить разведывательную деятельность за пределами городских стен. Такая витиеватая формулировка позволила ему остаться в числе людей, чей главный инструмент – добрый меч и верный пистоль, а не стать одним из Ремесленников или Пахарей. Нет, разумеется, Игорь ничего не имел против мирного населения родной крепости, он уважал каждого здешнего жителя, ведь все они бились с окружающим миром ради общего спасения – пусть и каждый по-своему. Но парень всю сознательную жизнь провел с клинком в руках и без него себя просто не мыслил, а уж о том, чтобы сменить оружие на плуг, и задуматься было страшно – это ведь совершенно незнакомо, на это сейчас переучиваться умаешься...

Другое дело – стрелецкий корпус. Пресловутые последствия недавнего ранения отразились на позвоночнике, который ныл от резких движений, и на ногах – мало, что они стали болеть на погоду, так еще и ныли от любых нагрузок. И не помогали тут ни чудесные мази, ни отвары; Игорь уже все перепробовал. Кремлевские врачеватели только головами качали и призывали радоваться, что вообще жив остался, на что бывший дружинник только усмехался: по его мнению, лучше уж помереть, чем жить такой жизнью.

«Наверное, нет хуже муки для воина, чем перестать полностью владеть своим телом», – думал светловолосый стрелец, глядя в темный потолок.

Заварушка в Тушино¹, что и говори, вышла знатная. Были в той мутной истории и кио замешаны, и опальный маркитант Вадим, старый враг Игоря и всего Кремля. О, какое же облегчение Игорь испытал, когда пустил пресловутому торгашу пулю в голову и увидел, как тот замертво падает на замызганный пол своего оружейного склада!.. Вот только затем и самого дружинника наспиговали свинцом – спасибо подельничкам проклятого Вадима, отомстили за убитого «хозяина». Что случилось потом, светловолосый воин знал только со слов побратима Захара: сначала раненого волоком тащили в Кремль, по дороге, как могли, жизнь в нем поддерживали, а уже по приезде провалялся Игорь в отключке добрые две недели, пока наконец не пришел в себя. Потом еще несколько дней пытался понять, где он и кто вокруг, затем заново учился ходить... в общем, процесс возвращения хотя бы к обычной жизни был достаточно тяжел и мучителен. Стоит ли говорить, что снова взяться за меч Игорю довелось только через два месяца? Но хуже всего, конечно, дела обстояли с позвоночником. Лекарши недвусмысленно намекали, что он уже не восстановится. И хоть Игорь отказывался верить подобным прогнозам, риск навсегда остаться в стрелецком корпусе был крайне велик.

«Не забегай ты вперед, – мысленно одернул себя парень. – Пока тебе хотя бы на стены попасть, там, может, и попроще уже будет, морально...»

Сейчас же ему позволяли разве что острог сторожить, который, вдобавок, большую часть времени пустовал: брать пленных у разведчиков было не то, что не принято, оно про-

¹ Подробней о злключениях Игоря можно узнать из романов «Кремль 2222. Строгино» и «Кремль 2222. Тушино» Олега Бондарева – прим. автора.

сто не получалось обыкновенно. Уж больно привыкли муты сражаться до последней капли крови, уж слишком много в них имелось звериного, первобытного и, что греха таить, безрассудного. В первую очередь это, конечно же, касалось богомерзких нео, которые хотя бы отдаленно походили на людей. Что до крысособак, диких фенакодусов, туров и прочих аспидов, то их вообще никто в плен не брал, поскольку вести с ними беседу попросту не представлялось возможным. Вот и получалось, что попасть в камеры Кремлевской тюрьмы могли разве что собственные предатели, коих за все время было раз, два и обчелся.

В общем, Игорь в остроге откровенно маялся от тоски и мечтал поскорей восстановить подведшее его здоровье да с мечом в руках защищать родную крепость от несметных полчищ мутантов.

Но пока – не получалось, никак.

Перевернувшись на бок, светловолосый дружинник закрыл глаза в робкой надежде снова уснуть, но сон, увы и ах, не шел. Это продолжалось из ночи в ночь – сцены из прошлого; не обязательно та самая, роковая – вообще любые, в хаотичном порядке, некоторые – по многу раз. Этакое злосчастное напоминание о тех днях, когда Игорь был здоров и полон сил, когда мог в одиночку расправиться даже с «прожженным» нео, а крысособак расшвыривал едва ли не пинками.

Теперь всего этого не было.

Тот, кто никогда не выходил наружу, возможно, не понял бы, что так угнетало Игоря в злосчастные дни после возвращения в крепость. Разве это здорово – постоянно рисковать своей жизнью? Разве не страшно бродить по заброшенному городу, зная, что из любого закоулка в любой момент может выскочить голодная тварь или даже целая свора таких тварей? Московская Зона не нянчилась с Игорем – во время первого рейда, в Строгино, он потерял всех своих товарищей, включая Захара, и остался в далеком районе столицы один-одинешенек. Только невероятная отвага вкупе с неиссякаемой удачей позволили светловолосому дружиннику выйти из той передраги живым да еще и побратима спасти. Но разве после этого он ушел в Пахари? Разве перестал рваться наружу? Игорь не то, чтобы любил московскую Зону, но она была его ремеслом, делом всей его жизни. С самого детства дружинник учился понимать ее, чувствовать ее и говорить с ней, поэтому в ином себя попросту не видел.

Но судьба-злодейка загнала его в крепость, да не просто в крепость, а в подвал острога, где от Игоря не было никакого прока. Где вечно царил тишина.

Зона всегда говорила с дружинником.

В тюрьме же от молчания хотелось лезть на стены.

Заснул Игорь только под утро.

По счастью, на этот раз ему не снилось ничего.

Глава 1 Беглец

Десятник Прокофий, высокий и широкоплечий, как и подобает быть каждому носителю D-гена, восседал на спине верного фенакодуса и угрюмо смотрел на крепостные стены, медленно выплывающие из-за горизонта.

В рейде, из которого они возвращались, Прокофий потерял трех бойцов, причем всех – разом и довольно глупо: из-за проходящего мимо «Титана» пришлось спешно прятаться в подземку, а баги, там живущие, будто только этого и ждали. Нападение руконогов было яростным и стремительным, точно выстрел из пистоля: двух разведчиков они утащили сразу, воспользовавшись перевесом в численности, а еще одного – когда кремлевские попытались отбить товарищей с помощью мечей (стрелять никто не решился – боялись ранить своих). Скрепя сердце, Прокофий скомандовал отступление, благо, проклятый био к тому времени уже миновал их укрытие и скрылся из виду.

И тем не менее гадкий осадок в душе, конечно же, остался.

Прокофий, разумеется, боялся не выговора воеводы, хотя без этого, десятник не сомневался, тоже не обойдется. Куда больше его пугала встреча с семьями погибших. Говорить матери или жене, что ее муж пал во время рейда, всегда было тяжело – настолько, что этой обязанности Прокофий предпочел бы честную смерть на поле брани. И хоть большинство людей смотрело с пониманием, прекрасно зная, какой мир их окружает, сам десятник ненавидел себя за каждого погибшего воина. Он никогда не говорил: «Зона забрала» – только «Я потерял», считая смерть людей в рейде провинностью командира.

Скакуну под ним тоже, видно, передалось настроение хозяина – он шел, уткнувшись под когтистые ноги, медленно, не торопясь, будто нехотя. Впрочем, галопом по московской Зоне не разъезжали даже самые отчаянные из кремлевских воинов: слишком велик был риск нарваться на неприятности. Причем, по иронии, самые большие беды обрушивались на путников уже у стен родной крепости – там они, преждевременно расслабившись, нередко наткнулись на притаившихся у стен био или нео, которые набирались сил перед новым штурмом. Или же отряд шел домой с трофеями и у самых ворот нарывался на гон – а никто ведь из стрельцов не станет открывать, куда гон идет, это первейшее правило, которому будущих воинов учат с детства: сколько б ни было снаружи собратьев, куда волна мутов не схлынет – не впускай. Да, жалко, да, совестно, но если это разношерстное воинство внутрь прорвется через ворота, погибнет куда больше народу.

Меньше всего на свете Прокофий хотел оказаться по эту сторону от ворот, когда начнется гон. Но при этом он бы первый кинулся защищать привратников, случись ему чудом пережить сей адский ужас.

Потому что все эти правила не на пустом месте родились. Потому что за этими правилами – жизни и смерти многих бойцов, отцов тех, кто ныне сторожит покой последнего оплота человечества; тех, кто совершал ошибки, возможно, лишь для того, чтобы потомки их не повторяли...

Прокофий встрепенулся и повернул голову влево.

Почудилось, или из того дома донеслось рычание?

«Похож на нео... или человека... – отметил десятник про себя. – Но все же, скорей, дикарь – что б тут человек забыл, в этих развалинах?»

Впрочем, того, что это кто-то из своих, Прокофий тоже исключать не собирался – чтоб не натворить бед ненароком.

– Предполагаемая угроза на десять часов, – негромко, но так, чтобы все слышали, возвестил командир отряда.

Полдюжины взглядов скользнули по десятнику и перескочили на достопамятное здание, откуда доносилось странное рычание. Тут же, как по заказу, из полуразрушенного дома послышался еще и злой лай.

«Крысособаки?»

– Всем приготовиться, – сказал Прокофий, положив ладонь на рукоять меча.

Он быстро проверил, насколько легко клинок выходит из ножен, и, убедившись, что выходит без труда, потянулся к пистолю. Морально десятник был готов к тому, что из дома вот-вот попрут муты. И хоть переводить пули на такую мелюзгу, как крысособаки, хотелось едва ли, еще меньше Прокофий желал подпускать их к фенакодусам. До Кремля уже – считанные метры, так стоит ли экономить на патронах, рискуя здоровьем дружинников и скакунов?

«Конечно же, нет».

– У, твари! – вдруг донесся из здания приглушенный возглас.

Прокофий недоуменно нахмурился. Не так не разговаривают, манера совсем другая. Что же, получается, в здании человек? Но откуда? И кто это? Приблудившийся или свой, кремлевский, просто отбившийся от отряда или потерявший товарищей на недружелюбных улочках Москвы?

А, впрочем, стоит ли ломать над этим голову сейчас? Не лучше ли помочь незнакомцу, а уже после разбираться, кто он, откуда и зачем?

– Там, кажется, человек, Прокофий, – заметил темноволосый Олег, старый товарищ десятника.

– Проверьте с Ванькой, – распорядился командир, покосившись в сторону Ивана, светловолосого усача, чей фенакодус шел по правую руку. – Если что, свистите, дам подмогу.

Олег отрывисто кивнул и, передав свои поводья рядом стоящему товарищу, легко спрыгнул с фенакодуса. Ваня, который тоже прекрасно все слышал, последовал его примеру, и вот они, вдвоем, пошли ко входу в полуразрушенный дом, на ходу вытаскивая мечи из ножен. Внутри продолжали лаять и рычать, и уже непонятно было – то ли это крысособаки, то ли прижатый к стенке человек так огрызается.

Вот дружинники скрылись внутри. Воздух вокруг буквально раскалился от напряжения. А ведь это вдобавок уже и вечер был – небо подзатянуло тучами, за которые охотно спряталось солнце, еще пару часов назад беспощадно жарившее облаченных в кольчуги путников. Сумрак напоминал дружинникам, что они не дома, в родной хате, а посреди изувеченного войной города, обитатели которого не слишком дружелюбно относятся к не в меру живучим кремлевским «хому».

«Ну, оно, может, и к лучшему – для дисциплины, опять же, полезней именно в напряжении быть, а не расслабляться прежде времени», – подумал десятник, выжидающе глядя на дверной проем.

– Свои! – послышался изнутри голос Олега.

Лай стал, кажется, еще громче... а потом, довольно резко, стих совсем. Выстрелов слышно не было; видно, дружинники оценили ситуацию и решили, что патроны тратить без надобности. Значит, все еще проще, чем Прокофий предполагал изначально.

Прошла минута, может, полторы, когда из дома наружу показался Олег. Он едва заметно кивнул своему командиру – мол, порядок, справились. Прокофий кивнул в ответ. На душе стало чуточку полегче.

Следом за дружинником вышел незнакомец с неказистым и, судя по виду, довольно старым мечом. Надо понимать, именно его вопли привлекли десятника. Незнакомец был немолодой и лохматый, с седыми волосами и седой же бородой. Одетый в какое-то потрепанное рубище, изорванные штаны и сапоги, которые казались едва ли не старше их хозя-

ина, мужчина, тем не менее, статью и выправкой напоминал самих дружинников. Да и лицо его отчего-то показалось десятнику смутно знакомым.

«Но вот, хоть убей, не помню, где я мог его видеть!» – мелькнуло в темноволосой голове командира.

– Крысособаки там были, – доложил Олег. – Числом полдюжины. Мы когда вошли, две уже дохлые были, он, видать, постарался. Остальных порубили вместе.

– Хорошо, – кивнул десятник и, повернувшись, осведомился у незнакомца:

– Вы из чьих будете?

При этом командир угрюмо разглядывал мужчину исподлобья.

– Из чьих!.. – странно усмехнулся мужчина.

Десятнику показалось, что его глаза заблестели. Хотя, возможно, они слезились из-за пыли и ветра, а не от переизбытка чувств. . .

– Из наших, из кремлевских я, – с придыханием докончил незнакомец. – Казимир, отец Федота. Дружинник. Меня-то вы не помните, поди, еще мелкие были, но его-то должны!..

– Федота помню, – подумав, кивнул десятник. – Хороший товарищ... был.

– Почему был? – удивился Казимир.

– Потому что месяц, как в Зоне сгинул, – мрачно ответил Прокофий.

Десятник сомневался, стоит ли говорить об этом столь открыто, но потом решил, что Казимир, если он правда отец Федота, имеет право знать правду без прикрас.

Седовласый, услышав дурную весть, вздрогнул и даже пошатнулся, но устоял на ногах. Видно было, что сказанное десятником поразило его в самое сердце. Оно и немудрено: кого таким обрадуешь? Впрочем, Прокофий тут же приглушил сочувствие – пусть лицо Казимира кажется ему знакомым, излишне доверять этому бродяге пока что не стоит. Перво-наперво его необходимо доставить в Кремль, а там уж пусть князь и воевода решение принимают. Тем более что странный мужчина, судя по морщинам и седым волосам, к их поколению ближе, чем к поколению самого Прокофия.

Остальные дружинники чинно помалкивали – знали, что поперек старшего в беседу лезть не стоит. Тем более что пока не до конца ясно, как к встреченному мужчине относиться – как к другу или как к врагу? В отряде у Прокофия люди были опытные, московской Зоной покусанные, потому не спешили ярлыки на других навешивать. Говорит, что пропавший Федот был его сыном? Если правда – сочувствуем. Но надо же еще разобраться, действительно ли правда. . .

– Сочувствую вашему горю, – искренне сказал десятник.

– Спасибо, – вскинув подбородок, сказал Казимир. – Но... случается. Я к своим годам уже привык ко всему, навидался, что называется...

Он шумно вздохнул, а потом добавил:

– Не думал я, что снова тут окажусь, что снова с ребятами повидаюсь, разведчиками... и крепость родную увижу. Эх, как же жаль, что сын...

Он запнулся и украдкой смахнул с глаза предательскую слезу.

– Что же, мы как раз в Кремль и направляемся, – подал голос Прокофий.

– Ну славно, – немного повеселел мужчина. – У меня как раз к князю с воеводой разговор имеется...

Прокофий и Олег переглянулись. Ситуация была неоднозначная: перед ними стоял мужчина, мало чем напоминающий дружинника, но при этом утверждающий, что он свой в доску, настоящий воин Кремля, да не просто воин – еще и отец почившего недавно Федота!.. И вот как с таким быть? Не будешь ведь его вязать и на крупе фенакодуса везти. Но и просто так через ворота вести как-то неправильно: вдруг он на самом деле лазутчик, подсланный в Кремль, чтобы насолить тамошним обитателям?

По счастью, Казимир сам решил подсказать решение.

– Ты, поди, сомневаешься во мне? – поняв все по взгляду десятника, спросил он. – Ну, не веришь, что я дружинник?

– Не то, чтобы не верю, – нехотя ответил Прокофий. – Но, если вы и сам разведчик, то должны понимать...

– Я разведчик, – перебил его Казимир, энергично кивая. – Потому прекрасно понимаю. Меч бродяги упал на землю и, жалобно звякнув о потрескавшийся асфальт, замер. Сложив руки запястьем к запястью, мужчина вытянул их перед собой и сказал:

– Вяжите веревками, поясами... чем хотите. Оружие мое – вот оно, иного нет, что подобрал, тем и сражался.

Прокофий поймал на себе вопросительные взгляды Ивана и Олега.

«Ну что, вяжем?» – безмолвно спрашивали они.

– Не сомневайтесь даже! – подначил их Казимир. – Я сам дружинник, так что понимаю: иначе – никак. Это не зорно, это – разумно.

– Хорошо, что вы понимаете, – кашлянув, заметил десятник.

Такое рвение бродяги оказаться в путах немного удивило кремлевского командира, но он не подал виду и предпочел про себя радоваться понятливости мужчины.

– Олег, свяжи ему руки, – велел десятник.

Дружинник вздрогнул – хоть он и смотрел на командира вопросительно, но в глубине души надеялся, что выполнять приказ Прокофий скажет Ивану. Впрочем, спорить Олег не собирался: сняв пояс, он медленно подступил к бродяге.

– Не стесняйся, сынок, – сказал Казимир, чувствуя, как нерешителен дружинник. – Поверь: после того, что со мной было, связанные руки – это сущая ерунда!

– А что же с вами было? – наблюдая за тем, как Олег обматывает запястья блудного разведчика поясом, спросил Прокофий.

– Ох, так и не расскажешь, – со вздохом сознался Казимир. – В плену я был, если кратко. Долго очень... и вот – сбежал.

– А где же вас держали? – не удовлетворившись ответом, задал новый вопрос десятник. Седовласый бродяга хмуро посмотрел на Прокофия исподлобья и буркнул:

– Не поверишь все равно.

– Ну а вы попробуйте, – не унимался десятник.

Еще один хмурый взгляд.

– За Куполом я был, – сказал Казимир. – У шамов.

* * *

Игорь сделал очередной выпад и поморщился: спину прострелило.

«Как обычно», – с грустью подумал светловолосый надзиратель.

Пользуясь одиночеством, которое ему дарил подземный острог, новоиспеченный стрелец втайне от других продолжал тренироваться с мечом... но, увы, лишь разочаровывался в себе, раз за разом. Вот сегодня, например, он пытался выполнить самое простое упражнение из всех, которое делал с закрытыми глазами еще лет пять назад, будучи юнаком... но добился лишь боли в позвоночнике и ноге. Все повторялось, как под копирку: Игорь становился в исходную позицию, поудобней перехватывал меч, рассекал клинком воздух... и, морщась, бросал на середине. Происходящее угнетало. Ладно б прогресс был ничтожно мал, ему бы хватило и этой малости. Но его не было от слова «вообще». Просто одно и то же, одна и та же боль, острая и практически нестерпимая.

Предприняв очередную безуспешную попытку, светловолосый надзиратель выронил меч и без сил привалился плечом к стене. Дружинники не плачут от жалости к себе, но в тот момент Игорь был как никогда близок к конфузу. Он еще мог пережить назначение в острог,

как временную меру. Но чем дальше, тем больше Игорь убеждался, что ни на что иное его тело уже не согдится. Что даже на той же крепостной стене ему просто не хватит прыти в случае очередного штурма. А уж о возвращении в открытый и крайне опасный мир Москвы не могло быть и речи...

«Какой десятник захочет меня к себе взять? – глядя на лежащий у ног клинок, с грустью подумал Игорь. – Разве что Захар... и тот – только из-за нашей дружбы!»

Стрелец прошелся взглядом по одинаковым, наспех сбитым дверям, окованным железными пластинами для надежности. Память услужливо подбросила сцену допроса, который побратимы еще до путешествия в Тушино учинили Третьяку – преданной шавке ненавистного маркиганта Вадима, дважды предавшего Кремль. Третьяк, кажется, тогда сидел в угловой камере и стучал зубами от холода...

«Не нужны мне эти воспоминания, – твердо подумал Игорь. – Только душу ими травить!»

Взгляд его снова упал на меч. Скрипя зубами, стрелец наклонился и подобрал оброненный клинок.

– Надо пробовать, – пробормотал светловолосый надзиратель, снова становясь в стойку. – Потому что если не пробовать, точно не получится, а так, глядишь, чего и выйдет...

Он облизал пересохшие губы.

«Давай же, не бойся!»

Меч разрезал воздух...

...и остановился – точно в том месте, где и положено.

«Сделал!» – оторопело подумал Игорь.

Казалось, он не мечом взмахнул, а пробежал десять километров, улепетывая от стаи шустрых «Рапторов»: дыхание – надсадное, частое, тяжелое, лицо все мокрое от пота, глаза навывкате... Да и боль никуда не делась...

Но он *сделал*.

Довел упражнение до конца. Перетерпел и довел.

Для кого-то – всего лишь взмах. Для Игоря в его нынешнем состоянии – настоящая победа, пусть и маленькая, но очень важная.

Снова облистав губы, светловолосый надзиратель хотел повторить упражнение еще раз, дабы убедиться, что это – не единичная случайность, а действительно маленький прогресс...

Как вдруг сверху послышались шаги.

Вздрогнув, Игорь повернулся и недоуменно уставился на лестницу. За те дни, что стрелец провел в остроге, он до того редко слышал, как сюда кто-то спускается, что невольно подумал – а не показалось ли ему? Но шаги не стихали, и каждый новый служил доказательством того, что в тюрьму действительно пожаловали гости.

Смутившись, Игорь спешно вогнал меч в кольцо на поясе и встал напротив лестницы. Проснулся интерес – кто же это сюда решил пожаловать?

Оказалось, гостей даже несколько: двое стрельцов, а с ними – седовласый и седобородый пленник со связанными руками и в потрепанной одежде. Лицо мужчины показалось Игорю знакомым, и он прищурился, чтобы получше рассмотреть арестанта, но из-за царящего в остроге полумрака не особо преуспел.

– Кто тут сегодня? – спросил один из конвоиров.

Повернув голову, надзиратель обнаружил, что это Олег из отряда Прокофия.

– Я, – подал голос Игорь.

– А, Игорь! – обрадовался Олег. – Надо ж, какая удача! А мы тут глянь, кого встретили на подходе к крепости. Казимиром представился...

«Точно! Казимир!»

Выпучив глаза, надзиратель уставился на седовласого мужчину. Теперь он, наконец, понял, откуда помнит это лицо, несколько измененное, правда, морщинами, но все еще вполне узнаваемое.

– Вы – тот самый Казимир? – робко спросил Игорь.

– Смотри какого ты имеешь в виду, сынок, – пожал плечами вновь прибывший.

– Того, который пропал в Строгино девять лет назад, – хриплым от волнения голосом сказал надзиратель.

Седовласый бродяга неуверенно улыбнулся самыми уголками рта, а Олег, удивленно выгнув бровь, спросил:

– Ты его узнал, что ли?

– Да конечно, узнал! Это же верный соратник моего отца, Бориса, – объяснил Игорь, неохотно переводя взгляд с Казимира на дружинника. – Они в Строгино ушли девять лет назад... и пропали. Никто не знал, что с ними стало.

– Вот те раз, – оторопело пробормотал Олег и покосился на своего напарника – Игоря его имени не знал, поскольку видел впервые. – Представляешь, Терентий? А мы еще сомневаемся. И как его теперь в острог-то сажать?

– А зачем его в острог? – удивился светловолосый надзиратель. – Он же... он же герой! Я думал, все они давно полегли, а они... он... А отец мой, он... он погиб ведь?

Казимир поколебался недолго, а потом вдруг ответил:

– Нет, не погиб. Жив он, Игорь.

Светловолосый надзиратель, услышав это, так и замер с открытым ртом. Дружинники, судя по их лицам, тоже порядочно опешили.

– Вы это... – прохрипел Игорь. – Вы это сейчас... серьезно?

– Более чем, – хмуро ответил Казимир. – Таким разве шутят? Он жив, и другие пленники – тоже... Не все, но многие. И мужчин хватает, и женщин...

– А где, где они все? – нетерпеливо спросил надзиратель.

Он с трудом поборол желание схватить бродягу за плечи и, встряхнув, поторопить с ответом.

– В логове шамов сидят.

– Девять... девять лет? – робко пробормотал бывший дружинник.

Услышанное не укладывалось в голове. Ну и какой прок шамам содержать у себя дружинников из Кремля? Что за странный альтруизм? Но все эти вопросы, в общем-то, здравые и логичные, разбивались о персону Казимира, который, пусть слегка потрепанный, но живехонький, стоял перед кремлевскими воинами.

– А почему ж... они вас не съели? – прочистив горло, спросил Игорь.

– Потому что убить всегда можно успеть, – угрюмо ответил бродяга, – а так – постоянно свежая кровь.

С этими словами он с трудом уцепился пальцами связанных рук за ворот рубахи, оттянул его вправо и, прижавшись левым ухом к плечу, продемонстрировал несколько маленьких красных дырочек у себя на шее.

Поняв, что это за дырочки, Игорь ужаснулся.

– Мы сами опешили, – прочтя все по взгляду надзирателя, сознался Олег.

– И так... девять лет? – осторожно спросил светловолосый надзиратель. – Изо дня в день?

Казимир угрюмо кивнул.

Игорь, не зная, что скачать на этот счет, вновь обратился к Олегу:

– Так а в острог его зачем? Почему?

– Прокофий к воеводе пошел с докладом, – ответил дружинник. – А там – что скажут. Сам понимаешь – не десятнику решать, как поступать с... – Он запнулся, не зная, как назвать Казимира.

– Да все в порядке, сынок, – с робкой улыбкой сказал седовласый мужчина, покосившись в сторону конвоира. – С пониманием, так сказать. Сами такие были.

– Хорошо, что вы понимаете, – с некоторым облегчением отозвался дружинник. – В общем, Игорь, у тебя теперь... постоялец.

Надзиратель хмуро кивнул: его ситуация с Казимиром прямо-таки раздражала – и так мужик натерпелся, а теперь еще и в камере прозябать. Но при этом Игорь прекрасно понимал, что нынешний случай – уникален, а, значит, без решения воеводы не обойтись.

«А воевода, надо думать, на себя ответственность тоже брать не захочет, – подумал бывший дружинник, разглядывая бродягу. – С князем пойдет обсуждать, тот сразу ничего не скажет, возьмет время на раздумья... В общем, придется тебе, дядька Казимир, тут порядочно посидеть...»

– Пошли мы, – сказал Олег, еще раз вопросительно посмотрев на Игоря.

Чего он ждал услышать? Что надзиратель попросит их остаться?

– Давайте, – просто ответил светловолосый стрелец.

– Ну все, бывай.

Брюнет и его соратник развернулись и побрели вверх по лестнице, оставляя Игоря с Казимиром наедине.

– Веди, Игорь, сын Бориса, – сказал Казимир, снова грустно улыбнувшись самыми уголками губ. – Устал я с дороги, поспать бы.

– Сейчас... – Надзиратель спешно вытащил из кармана связку ключей и, подумав, устремился к двери второй от лестницы камеры.

Отворив ее, он сказал:

– Ну что же, входите. Стыдно как-то вас сюда сажать, как мерзавца какого-то...

– Плюнь и разотри, Игорь, – посоветовал Казимир. – Разберутся. Глядишь, и дадут мне переговорить с вашими главными, а там и отца твоего вызволим, и других – тоже...

Надзиратель вздрогнул. Воображение тут же нарисовало светлые, практически безмятежные картины: как отряд Захара вместе с ним, Игорем, врывается в логово шамов, как воины Кремля расправляются с этими тварями, несмотря на их отчаянное сопротивление, как сам Игорь пронзает одного из вампиров мечом... ну и, конечно, как радостно обнимает отца после долгих лет разлуки.

А уже потом они все идут обратно, в крепость...

«Мечты, мечты...» – с грустью подумал Игорь.

Нет, сюжет, безусловно, хорош. Вот только кто его возьмет в поход на шамов? Его, больного стрельца, который даже мечом взмахнуть не может, не скривившись? Да Игорь не то, что не поможет в битве – он еще и обузой станет... правда, ненадолго: такого ж зарубят в первой серьезной сечи.

«Но как же это: в поход за моим отцом – и без меня? А если вдруг не справятся они? Ладно – я, я себя потом в случае неудачи просто сожру изнутри, но хоть попытаюсь, а так, не попытавшись, разве потом вообще оклемаюсь?»

– А где же вас содержали, дядя Казимир? – спросил Игорь, наблюдая за тем, как пленник входит в камеру и усаживается на тюфяк, покрывающий нары.

– Вот ведь удумал, тоже мне! – ерзая, фыркнул седовласый дружинник. – Какой я тебе дядя? Ты ведь уже не юнак сопливый, чтоб «дядькать»? Ну вот.

– Так где вас с батей держали, Казимир?

– Ох, Игорь... – со вздохом сказал мужчина. – Не поверишь – аж за Купол утащили.

Дружинник тихо присвистнул.

– А как же так вышло-то? Вы же в Строгино были...

– А потом оказались в Митино. Там у них... логово, у сволочей этих. Я, честно говоря, не помню, как нас туда доставили... и не потому, что столько лет прошло. Просто они нам головы так задурили, что мы и не соображали ничего. Они сильные, очень, и у каждого по три глаза...

– Старшие, значит... – задумчиво пробормотал Игорь.

– Во-во... – на выдохе сказал Казимир.

Он вытянулся на койке и блаженно закричал.

– Господи... Да я будто в рай попал...

– Это ж в каких вас...

– Не дядькай и не выкай, сказал же!

– Ладно, – сдался Игорь. – Так в каких... тебя там условиях содержали, ежели тебе теперь даже камера тюремная раем кажется?

– Ох, и не спрашивай... – пробормотал Казимир, уже смежая веки. – Ужас просто...

Секунды не прошло, как он громко, с усердием, захрапел. Игорь постоял еще с полминуты, а потом, будто спохватившись, покинул камеру и осторожно закрыл за собой дверь. Уже находясь снаружи, он долго вертел в руках ключ – размышлял, стоит ли закрывать замок или нет. С одной стороны, там точно свой, дружинник, чудом сбежавший из плена и вернувшийся в родную обитель. С другой стороны, правила для всех одни, и если уж порешили поместить Казимира в острог, следовательно, и поступать с ним надлежит, как и с любым другим арестантом.

«Скорей бы там уже все разрешилось...» – подумал Игорь, с неохотой все-таки вставляя ключ в замочную скважину.

Два оборота по часовой – и характерный щелчок.

Надзиратель замер на мгновение, прислушиваясь, не разбудил ли «постояльца». Но, судя по храпу, Казимир спал без задних ног.

«Пусть отдыхает, – подумал Игорь. – После такого-то потрясения».

Сам он, однако, о сне думать не мог. Мысль о том, что где-то в Митино из его отца попивают кровь ненавистные шамы, приводила бывшего дружинника в ужас. Не зная, чем себя занять, он принялся расхаживать по коридору туда-сюда, втайне надеясь, что вот-вот вниз снова спустится Олег и сообщит, что воевода и князь хотят видеть у себя Казимира. Но этого, конечно же, не происходило. Как Игорь и предполагал изначально, возня обещала затянуться.

«Ничего, – успокаивал себя надзиратель. – Отец у тебя сильный, девять лет продержался – и еще выдержит. Скоро уже, скоро воевода распорядится туда отряд отправить... или даже два...»

Печальный вздох вырвался из его груди.

«Только без меня».

На фоне этого расстройтва в голову полезли разные дурные мысли. А что, если князь с воеводой не захотят отправлять людей в Митино? Это не то, чтобы далеко, но дружинники больно не любят ошиваться рядом с Куполом, а уж выходить за его пределы... Раньше о подобной возможности вообще никто не задумывался даже. Точней, втайне-то каждый мечтает сбежать из недружелюбной столицы в лучший мир, вот только есть ли он снаружи? Вопрос этот оставался открытым по сей день, и рассказ Казимира отчасти ставил крест на подобных надеждах.

Ну и опять же – логово в Митино не чье-то там, а шамовское, причем кровопийцы в тех местах обитают самые серьезные, судя по наличию трех глаз. Такие и младшими братьями могут запросто вертеть, точно куклами, что уж тут про обычных людей говорить? Казимир не успел рассказать, сколько всего в том районе шамов обитает, но даже усилий

одного сильного мутанта вполне хватило бы, чтоб превратить десяток дружинников в верных марионеток. По крайней мере, в этом уверял отец Филарет во время одной из своих лекций, посвященной как раз таки мерзким недомеркам-кровососам.

«Но не может ведь быть, что князь с воеводой просто плюнут и забудут про то, что наших родичей держат в плену? – подумал Игорь. – Девять лет, девять!.. И все это время они пили кровь моего отца и других разведчиков... Нет, такое Кремль не может простить!»

Из камеры по-прежнему доносился громкий храп беглеца. Прекрасно понимая, что сон изможденного Казимира продлится не час и не два, а значительно больше, Игорь задумался, чем бы себя занять.

Ответ нашелся довольно быстро: облизав губы, надзиратель взялся за рукоять меча и медленно потянул его наружу.

«Нельзя бросать... ради бати...»

Теперь у него было еще больше поводов вернуться к былым кондициям.

* * *

В Казармы Игорь той ночью так и не вернулся – остался в остроге, на случай, если Казимир проснется и захочет поесть или попить. Олег заходил еще раз, ближе к вечеру, сообщил, что воевода велел утром привести к нему найденного дружинника. Эта новость обрадовала светловолосого надзирателя.

«Неужто завтра уже отряд в Митино отправят?»

Здравый смысл намекал, что торопиться с выводами не стоит, но Игорь слишком жаждал скорейшего батиного освобождения, чтобы задумываться о банальной логике. Он с нетерпением ждал утра и верил, что визит Казимира к воеводе сдвинет дело с мертвой точки.

Пленник проснулся около рассвета. Игорь стоял у двери, прислонившись плечом к стене, когда изнутри вдруг послышался громкий кашель. Тяжесть, которой налились веки светловолосого надзирателя, мигом улетучилась, как ее и не было; вздрогнув, он часто заморгал и спешно полез за ключами.

– А, Игорь! – воскликнул Казимир, когда бывший дружинник открыл дверь и вошел внутрь. – Сколько я проспал? От воеводы еще не приходили?

– Приходили, – с вымученной улыбкой ответил Игорь. – Ждет вас... тебя утром.

– Добрые вести, добрые! – еще больше обрадовался седовласый пленник. – Значит, скоро отправимся выручать наших, да?

– Надеюсь, что так, – осторожно ответил надзиратель.

– Мне кажется, или ты сомневаешься? – приподнявшись на локтях, Казимир окинул собеседника оценивающим взглядом. – Думаешь, не пошлет воевода людей в Митино?

– Не знаю, – честно ответил Игорь. – Должен послать...

– Да, конечно, должен! Это ж наши, кремлевские, такие же, как ты и я! Как же их там-то... у мразей этих, кровопийц, бросать? Это разве по-людски будет?

– Не по-людски, – ответил надсмотрщик.

– Ну-ну, сынок, не паникуй! – махнул рукой Казимир. – Вызволим мы твоего бату. Обязательно...

При упоминании отца Игорь непроизвольно вздрогнул. Он до сих пор не мог поверить, что батя жив. И пусть пока он находится в плену, но воевода ведь обязательно пошлет людей, обязательно!.. Прав Казимир – не по-людски товарищей бросать в лапах у вампиров треклятых.

– Есть же будешь? – спросил надзиратель.

– Спрашиваешь! Я бы целого тура сейчас сожрал, – признался Казимир. – Вчера-то ребята покормили, еще там, в Зоне, шел, краюху трепал с консервой... Но то когда было! Сейчас, поди, ночь уже?

– Утро даже. Сейчас принесу перекусить, пока не пришли...

...Олег явился под самый конец трапезы и увел Казимира. Походя посоветовал Игорю отправиться в Казарму и поспать хоть немного, но светловолосый надзиратель только головой покачал. Во-первых, со сменщиком они уже договорились на вечер, а во-вторых, разве мог бывший дружинник уйти, не узнав, чем закончился поход Казимира к воеводе?

Дабы скрасить ожидание, он снова принялся упражняться с мечом, и, надо признать, получалось у него сегодня уже гораздо лучше, чем вчера: то ли действительно немного полегчало, то ли из-за обилия мыслей просто не обращал внимания на боль... Неважно. Главное, что дело наконец сдвинулось с мертвой точки.

Воодушевленный, Игорь продолжал работать с мечом... покуда снова не услышал шаги, доносящиеся с лестницы: кто-то спускался вниз, в острог. Спешно убрав меч, светловолосый надзиратель повернулся к ступенькам лицом. Он старался казаться равнодушным, но мимика выдавала царящее в его душе смятение. Захар всегда говорил, что у Игоря все на лице написано, а, следовательно, лжец он никудышный. Впрочем, для дружинника умение врать и не считалось выдающимся. Напротив, воины Кремля отличались честностью и гордились ей.

Вот из-за поворота показался Казимир... и Игорь сразу все понял. Седовласый дружинник, судя по всему, тоже не умел врать – по крайней мере, надзиратель по его физиономии живо понял, что разговор с воеводой прошел совсем не так, как предполагал недавний пленник шамов.

«Разочарование» – одним этим словом можно было описать всего Казимира, бредущего по лестнице вниз. Единственное, что дарило хоть робкую надежду – это руки, которые больше не связывал меж собой потертый пояс кого-то из дружинников, да новая, приличная одежда вместо убогих лохмотьев.

И потому Игорь все-таки осведомился:

– Ну? Как все прошло?

– Никак, – буркнул седовласый дружинник, зыркнув на тюремщика исподлобья.

Следом за пленником вниз сошел Олег, на которого Игорь тут же набросился с вопросами:

– Что случилось? Почему обратно ведешь?

– Воевода еще не принял решения, – пожал плечами дружинник.

Видно было, что ему и самому как-то неловко возвращать пленника в камеру.

– Но в камеру-то зачем? – не понял Игорь.

– На всякий случай, – вместо конвоира ответил седовласый дружинник. – Чтобы бед не натворил. Ворота мутам не открыл, например...

При этих словах Олег болезненно сморщился и пробормотал:

– Верись, будь моя воля...

– Так это камень не в твой огород, сынок, – тут же оговорился Казимир. – Ты не думай. Но воевода, старый знакомец, разочаровал...

– Так он тебя узнал хоть? – продолжал недоумевать Игорь.

– Ха! Конечно же, узнал! – горько усмехнувшись, ответил седовласый. – Но что толку? Сказал – посиди пока, отдыхай, сил набирайся, ни в чем тебе не откажем... но на волю не выпустим. Хотя воля – то полбеда. А вот что наши там помереть могут, у шамов – вот это уже хуже. Можно девять лет держаться, а потом раз не повезет – и каюк. Ему ли не знать? Вся крепость так живет...

Игорю стало дурно, когда он представил, как шамы выбирают из числа пленников отца и показательно сжирают его на глазах у других, в назидание, чтоб никто больше о побеге не задумывался. Может такое случиться? А почему нет? Что мешает кровососам это сделать? Да ничего. Единственное, что останавливало их девять лет – это странная рассудительность, желание есть понемногу, но долго, а не разом, но от пуза.

«Однако все действительно может поменяться в любой момент».

– Проголодался? – спросил Игорь у Казимира, когда Олег, пожелав пленнику терпения, покинул острог.

– Да нет, куда там, – поморщился седовласый дружинник. – Наоборот, аппетит пропал. Думаю, мне ближайший день кусок в горло не ползет. Эх... Так неохота время терять. И отца твоего жалко... – добавил он, покосившись на Игоря. – Как бы ни случилось чего, а то предчувствие у меня нехорошее больно...

Парень шумно сглотнул.

Это была самая злая ирония судьбы: он наконец знал, где находится его отец, но никак не мог его оттуда вызволить, а те, кто могли, отчего-то не спешили этого делать.

«Может, попросить Захара, чтобы переговорил с воеводой? – подумал Игорь. – Или самому к нему наведаться... Но что я скажу? Что я узнал Казимира? И этого достаточно, чтобы ему доверять?»

Он догадывался, что воевода опасается нового предательства. И, если отбросить в сторону чувства, то случай Казимира действительно казался до жути странным. Девять лет в плену у шамов? У тех самых, которые людей пачками сжирают? Наверное, тому, кто отвечает за судьбу всей крепости, и положено быть крайне подозрительным, недоверчивым. Ведь на кону всегда стоят человеческие жизни, более того – жизни кремлевских защитников. Разве хочет воевода отправлять своих людей на верную смерть? Конечно же, нет. Но и пленников он, разумеется, в голове держит. И сердце его, надо думать, кровью обливается не меньше, чем у самого Игоря.

«Ну так, может, и не ждать, пока воевода на что-то решится? – мелькнуло в светлой голове. – Может, самому пойти в это... Митино, вместе с Казимиром. Не спасти, так хотя бы осмотреться, что там за логово, чтоб потом вернуться и все рассказать... Мне-то они больше поверят, чем ему!»

Мысль показалась бредовой. Ну куда Игорь пойдет в своем нынешнем состоянии? Да он до Строгино будет полгода тащиться. Хотя... если верхами ехать...

«Но кто меня с пленником из крепости выпустит?» – смерив Казимира взглядом, подумал Игорь.

Уж больно приметными были длинные, до плеч, седые космы и кудлатая борода.

«Но ведь это тоже, если вдуматься, дело вполне поправимое...»

Все еще колеблясь, Игорь опустился на корточки рядом с нарами Казимира и заговорщицким шепотом сказал:

– А что, если мы туда вдвоем поедем?

– Вдвоем? – удивленно воззрился на собеседника седовласый дружинник. – Ты что же, хочешь... втайне от воеводы ехать?

– Ну ты же сам сказал, что у тебя предчувствие нехорошее, – напомнил Игорь. – Так, может, лучше не испытывать судьбу?

– А ты не боишься наперекор воеводе и князю поступать? – выгнув бровь, спросил Казимир. – Этак тебя и в измене обвинить могут...

Внутри у светловолосого надзирателя похолодело. Он и сам понимал, что таким поступком обратит против себя большинство дружинников. Но разве мог Игорь в той ситуации думать о мнении товарищей по оружию? На кону стояла жизнь его отца, Бориса, которого он видел в последний раз еще будучи юнаком, и которого теперь мог спасти из плена

шамов. Игорь отчаянно боялся, что баты уьют раньше, чем верхушка Кремля сподобится выслать в Митино отряд. И, в любом случае, любое промедление означало продолжение отцовских мук и издевательств со стороны обнаглевших кровососов.

– Я должен баты спасти, – угрюмо сказал Игорь. – Обязан просто. Я ради этого на все готов.

– А ты... ты в Зоне-то прежде вообще бывал? – смерив надзирателя оценивающим взглядом, спросил Казимир.

Парень хотел фыркнуть, но вовремя себя одернул: Казимир просто физически не мог знать о похождениях Игоря в Строгино и Тушино, а рассказывать ему об этом сейчас было как-то совсем глупо.

– Бывал, – ответил он просто.

И, подумав, добавил:

– И куда чаще, чем хотелось бы...

...Они покинули острог, когда на город уже черным одеялом опустилась ночь. Разжиться лишним клинком и парой фенакодусов оказалось несложно: дружинники Игоря хорошо знали и уважали за его подвиги. Поэтому никому и в голову не пришло перепроверять слова дважды героя, пережившего три тяжелейших рейда и не пасовавшего ни перед киевлянами, ни перед маркитантами.

Ворота прошли тем же макаром: Игорь сослался на приказ воеводы, а остриженного и выбритого Казимира представил товарищем из дружины. Стрельцы даже не приглядывались особо. Спросили только, как нога, услышав, что терпимо, порадовались за героя и выпустили путников наружу.

– А ты, похоже, на хорошем счету, – заметил Казимир, когда они отъехали от крепости на почтительное расстояние. – Чем заслужил?

После нехитрых процедур он уже не напоминал почтенного старца: теперь это был хмурый морщинистый мужчина, которого жизнь неоднократно была под дых, но так и не сломала.

– Преданностью, – с грустной улыбкой ответил Игорь.

– И не страшно такое безграничное доверие терять?

– Ради отца – не страшно, – уверенно ответил дружинник.

Он не стал говорить, что надеется это доверие потом вернуть. В тот момент это показалось бы каким-то неуместным самоутешением, а светловолосый стрелец вовсе не хотел, чтобы Казимир считал его трусливым или, того хуже, жалким.

– Хороший ты сын, Игорь, – окинув спутника взглядом, сказал седовласый. – Смотрю на тебя, а вижу – Федота... Уверен, он бы тоже так за мной... если б не... эх...

Он запнулся и отвернулся. Игорь промолчал. Он знал, что испытываешь, когда теряешь близкого человека, и потому не лез. Мужчина должен переживать чувства в себе. Так, по крайней мере, учили Игоря с самого детства.

Московская Зона не терпит сантиментов.

Это место, где звенят мечи и свистят пули, а рот открываешь, только чтобы огласить окрестности боевым кличем.

* * *

– Агрх!

Грруб хотел жрать. В его голове и без того водилось не так много мыслей, но эта навещала крохотный мозг дикаря особенно часто. А поскольку жрать было нечего, Грруб, как и прочие его собратья, рычал от бессилия. Вот так:

– Агрх!..

– Чего рычите? – буркнул предводитель их шайки, угрюмый великан Баст.

Он после недавнего попадания в Красное Поле стал куда крупнее остальных. Грруб, давний противник Баста, все надеялся, что его старый неприятель сгинет в сжигающем пламени, но тот умудрился выбраться да еще и мышцами оброс... ну и, разумеется, жрать стал значительно больше, чем прежде.

– Мяса охота, – прорычал Грруб.

– Всем охота, – ответил ему Баст. – Терпите. Дичь будет – будет мясо.

Грруб только презрительно фыркнул. Ну да, будет дичь, как же!.. Уже два дня они слонялись вдоль прозрачной стены Купола да так и не встретили ни хомо, ни крысособак... Вообще никого. Впрочем, в этих районах дичи испокон веков не водилось; а то, что Баст именно сюда шайку потащил, говорит лишь о его непроходимой тупости. Казалось, после Красного Поля мозгов у него должно прибавиться... но, видимо, так изначально все было слишком плохо.

Но Басту Грруб об этом не говорил: он просто слишком хорошо помнил, как их нынешний вожак легко разорвал надвое жоака предыдущего. Это было действительно устрашающе. И повторять судьбу несчастного собрата Грруб не хотел. Он мечтал, что однажды тоже наберется храбрости и шагнет в Красное Поле. Но пока этот день не настал, предпочитал не спорить с тупым, но сильным предводителем.

– Мясо! – рявкнул вдруг направляющий.

Нео невольно вытянули шеи, пытаясь рассмотреть, что там разглядел идущий в голове собрат. А спереди действительно было мясо – несколько крысособак копошились в груди хлама, пытаясь наковырять там что-то себе на обед.

– Охотимся! – зычно воскликнул Баст.

Вышло до того громко, что крысособаки тут же встрепенулись и, увидев нео, споро бросились наутек.

– Дебил... – тихо прорычал Грруб себе под нос и, подняв допотопный арбалет, принялся торопливо его заряжать.

Но к тому моменту, как стрела оттянула тетиву, муты уже скрылись за углом ближайшего здания. Грруб опустил самострел; хотелось со всей силы обрушить его на тупую голову Баста, но дикарь сдержался.

– За ними! – не придумав ничего лучше воскликнул непутевый вожак и ринулся в погоню.

Судя по торопливости бугая, жрать ему хотелось куда больше, чем любому из его подопечных. Скрипя зубами, остальные нео устремились вперед за вожаком. Грруб старался не отставать от прочих, но не очень-то и усердствовал: он, в отличие от большинства собратьев, понимал, что крысособак уже и след простыл. Что они, такие же тупые, как Баст – будут за углом стоять и дожидаться, пока нео уйдут?

– Мясо! – снова возвестил направляющий.

Тут Грруб окончательно растерялся. Выглянув из-за плеча впереди бегущего товарища, он с удивлением обнаружил, что стая мелких мутов действительно находится прямо за углом, буквально в пяти-семи метрах.

– Охотимся! – снова завопил Баст.

Некоторых жизнь ничему не учит. Крысособаки снова пустились в бег, увлекая за собой отряд дикарей. Нео потрясали дубинами, а предводитель размахивал старым ржавым мечом, который достался ему в наследство от прежнего командира – этакий символ власти, как держава в руке у князя. В крысособак полетели первые стрелы, но Грруб стрелять на бегу поостерегся – не хотелось прикончить кого-то из своих товарищей.

Один из нео упал на землю и тут же оказался растоптан ватагой оголодавших собратьев, что только подтвердило опасения не в меру умного дикаря.

Вот крысособаки достигли следующего угла и свернули за него. Нео старались не отставать, благо, ногами обладали сильными, потому что никогда не ездили верхом и вообще фенакодусов побаивались: мутировавшие скакуны туповатых дикарей отчего-то на дух не переваривали и били-грызли их, едва завидев.

Казалось, дни этих незадачливых крысособак сочтены. Баст обогнал направляющего и первым скрылся за углом...

...а пару мгновений спустя оттуда донесся его истошный крик.

Грруб попытался притормозить, но задние не дали – чтоб не разделить судьбу затоптанного товарища, ему пришлось пройти еще несколько шагов, пока до его собратьев не дошло: впереди – смерть.

А он это понял сразу, едва Баст завопил: отчаяние, которое преисполняло крик их ретивого, но бестолкового вожака, было красноречивей любых слов.

Первыми развернулись и бросились наутек те, кто бежал в первом ряду. Мчались они, не разбирая дороги, сталкиваясь со своими, отталкивая их, спотыкаясь об упавших и падая сами... В общем, в проулке очень быстро образовалась настоящая куча-мала.

Грруб попятился назад, боясь, что его тоже повалят с ног.

А мгновением позже из-за угла вдруг вынырнула огромная морда кровожадного «Рекса» и откусила от этой кучи лохматых тел жалкий кусочек. Самую малость – правда, малость только по меркам био. Нео же истошно заорали – за один укус гигантский робот разом прикончил троих и изувечил еще пятеро.

Развернувшись, Грруб оттолкнул стоящего перед ним собрата и устремился прочь, ничем и никем не сдерживаемый.

Позади вопили товарищи и скрипуче клацал челюстями злобный «Рекс», но убегающий дикарь не обращал на эти звуки никакого внимания: если его родичи настолько тупы, что признали Баста вожаком, то туда им и дорога. А Грруб прибьется к какой-нибудь другой шайке, потерпит малость, а потом, глядишь, и в вожаки найдет способ выползти – чай, не совсем идиот, как большинство прочих нео.

Достигнув угла дома, он свернул, но не в ту сторону, откуда они пришли, а в противоположную. Крики и стальное клацанье стали потише, и это подарило Гррубу робкую надежду, что у него все-таки получится сбежать... однако уже в следующий миг он услышал, как что-то позади громко щелкнуло, и незнакомый голос спросил:

– Далеко собрался, лохматый?

Дикарю хватило ума замереть на месте. Голос явно принадлежал хомо, а щелчок... щелкать могло оружие. Например, пистолы, которыми любили пользоваться хомо. А, значит, одолеть говорящего можно и не пытаться – пристрелит раньше, чем успеешь шаг в его направлении сделать.

Именно поэтому Грруб подумал, что надо попытаться договориться. И начал медленно разворачиваться к хомо. Он хотел сказать, что не собирался причинить никому вреда и всего-то хотел перекусить, потому что в животе с самого утра даже лапки паука-мясоеда не было...

Но тут грянул выстрел, и Грруб, как был, с приоткрытой пастью и выпученными от страха глазами, рухнул на асфальт, поливая его кровью вперемешку с мозгами.

Бородатый мужчина в потертом черном плаще до колен и с кучей шрамов на морщинистом лице, сжимая в каждой руке по пистолету, подступил к нео, склонился над ним и тихо констатировал:

– Мертв.

Больше всего этот бродяга напоминал обыкновенного ворма, и только чересчур осмысленный взгляд выдавал в нем человека. Выпрямившись, мужчина вскинул левую руку с пистолетом и, сосчитав до трех, спустил курок. Пуля со свистом рассекла воздух и угодила в голову нео, который только-только появился из-за угла. Бородач тихо ухмыльнулся и пошел

к очередному поверженному врагу. Выходя из-за дома, он поднял правую руку и пристрелил дикаря, который несся прочь от разъяренного «Рекса», жадно поедающего самых нерасторопных мутов. Очередная пуля угодила нео прямо в лоб, и он, неуклюже плюхнувшись на колени, подкатился к самым ногам бородача и там замер.

Бродяга повернулся лицом к пирующему био и, уперев руки в бока, уставился на него. Больше никто к нему не бежал – те, кому откусили головы, просто не задумывались об этом, а тем, которые еще задумывались, для бега уже не доставало ног. Несколько мгновений спустя крики и рыки смолкли; осталось только клацанье челюстей – это «Рекс» дожевывал последнего нео. Тут взгляд био упал на застывшего вдалеке человека, и он, продолжая клацать челюстями, устремился к бородачу.

Наглый хомо, однако, даже бровью не повел – как стоял, так и продолжил, даже позы не изменил, а на бредущего к нему монстра смотрел спокойно, будто совершенно не боялся.

«Рекс», видно, расвирепел от такого неуважения, ускорился и понесся вперед. Стены проулка ему немного жали; кирпичная крошка летела во все стороны, а на потрепанных боках появился буро-красный след, но монстр, кажется, не обратил на это никакого внимания.

Но на лице бородача не дрогнул ни единый мускул. Он даже пистолет на приближающегося робота не направил.

И вот, когда казалось, что жить бродяге осталось считанные секунды, «Рекс» прыгнул. На несколько секунд тень накрыла бородача, и он, задрав голову, уставился на био, пронесшегося над ним. Это были по-настоящему волнительные мгновения – казалось, что в любой момент тяжеленная груда железа может плюхнуться на него сверху и попросту обратить в лепешку. Но, судя по всему, бородач не счел это достойным поводом, чтобы спастись бегством.

– Все дурачишься? – услышал мужчина вдруг.

Он резко повернул голову и с глумливой улыбкой уставился на окно первого этажа. В нем сидела, свесив ноги, стройная девушка в черной полумаске, скрывающей нижнюю часть лица.

– Всего лишь устроил нашему Щелкуну небольшую разминку, – пожал плечами бродяга.

В следующий миг асфальт вокруг ощутимо содрогнулся: это многотонный «Рекс» приземлился после своего жуткого прыжка.

– Жирок сгоняем, – добавил бородач.

– Мне иногда кажется, что ты просто втайне скучаешь по всем этим... потасовкам, в которых участвовал после моего исчезновения, – заметила девушка.

– Ни о чем я не скучаю, – поморщившись, сказал мужчина. – Мне главное наш район защитить от всех этих тварей. Видит Бог, я терпел два дня, думал, они сами уйдут...

Она чему-то усмехнулась.

– Что? – неуверенно улыбнулся бородач.

– Все в порядке. Просто никак не привыкну, что мой муж, стаббер Гром, поминает не Великого Механика, а Бога, – сказала девушка.

Он не видел ее губ, но чудесные зеленые глаза смеялись. В такие моменты Гром вспоминал, почему сбежал от прежней жизни в Зоне Трех Заводов, ради кого оставил карьеру стаббера и навсегда потерял покой. Некогда рабыня под порядковым номером «шестьдесят», которую он ласково прозвал Бо, изменила всю его жизнь. Их любовь была трагична: сначала они бежали от своих же, которые не принимали их отношений, шли к мечте, а потом – потерялись. Судьба похитила Бо, изменила их обоих, безжалостно забросив в «духовку» Красного Поля Смерти, но снова свела, обновленных не только внешне, но и внутренне, чтобы они поняли, насколько сильна возникшая между ними любовь.

- Иногда ты такая язва, малыш, – совершенно беззлобно сказал беглый стаббер.
- Я тоже тебя люблю, милый, – сказала Бо.

К ней, свесив языки набок, подбежали крысособаки, принялись лизать покрытые шрамами руки.

– Везет тебе, – хмыкнул Гром.

– Почему? – не поняла девушка.

– Если я попрошу Щелкуна вот так об меня потереться, от меня только мокрое место останется, – хохотнул бородач.

Бо тоже тихонько рассмеялась.

Их тандем был уникален: он – нейромант, способный мысленно управлять био, она – вообще непонятная кудесница, которую слушались все мелкое зверье и мутировавшие растения-деревья. Дружинник Игорь, боевой товарищ Грома, не раз и не два звал беглого стаббера в Кремль, прекрасно понимая, какую пользу может принести крепости такой союзник. Но нейроманта не интересовали вечные сражения с одичалыми тварями Зоны. Он мечтал, чтобы никто не мешал им с любимой наслаждаться друг другом. Это была его единственная греза...

Которая, судя по всему, не сбудется никогда.

Москва двадцать третьего века была ужасным местом, где спать можно только с пистолетом в руках, а передвигаться – лишь мелкими перебежками. И хуже всего, что город вовсе не собирался меняться. Уж точно не завтра, не послезавтра. Не раньше, чем вымрут все муты и прочие «наследники» Последней Войны, практически уничтожившей столицу два века назад. А они, как назло, вымирать не собирались, и даже хуже того – стремительно плодились и размножались, мешая обычным людям спокойно жить.

«Может, действительно в Кремль податься? – Нейромант повернул голову туда, где находилась крепость. – Там, по крайней мере, в твой дом не заявятся нео. Не то, как здесь...»

Он покосился на Бо и тут же прогнал эту мысль прочь. Нет, там, в Кремле, им своими, увы, не стать. Будут болтаться, как два чудика, полезных, но чужих, пришлых, которых будут сторониться и вечно обсуждать за спиной. Ну и насчет Щелкуна у Грома определенные сомнения имелись: вдруг био выйдет из-под контроля? Это ведь как мясо жарить на пороховом складе – может, обойдется, а, может, и рванет, жди и верь, а лучше вообще не занимайся подобными опасными делами...

«Да и Игорь не факт, что жив», – мелькнула в лохматой голове мысль.

Когда они расставались в последний раз, светловолосый дружинник имел в своем теле на пять отверстий больше положенного – прихвостни мерзостного маркитанта Вадима расстарались. Самого торговца Игорь, по счастью, успел прикончить, но что с дружинником стало в итоге, Гром до сих пор не знал, и это угнетало его несказанно.

– Ты о нем думаешь? – спросила Бо.

Гром вздрогнул, повернулся к жене и буркнул:

– Ну да...

– Мы могли бы наведаться в Кремль, повидать его...

– Не могли бы, – резко перебил ее нейромант.

Она умолкла и отвернулась.

– Прости, – куда спокойней и тише добавил Гром. – Но я... мы не должны больше подвергать свои жизни опасности. Мы и так нашлись с таким трудом... Не думаю, что нам стоит снова испытывать судьбу. Сейчас у нас хотя бы есть тихое место...

– Тихое? – нервно усмехнулась Бо.

– Ну, насколько это вообще возможно, – тут же оговорился нейромант. – Я просто не думаю, что в каком-то другом районе Москвы нам будет лучше, иначе бы уже давно отправился туда.

– Я понимаю, – сказала девушка.

Она спрыгнула вниз с подоконника и побрела к мужу. Крысособаки устремились за ней, хмуро косясь на Грома и тихо рыча: они терпели его из-за привязанности хозяйки, но втайне мечтали перегрызть ему глотку... как, впрочем, и остальным представителям рода людского.

И стоит признать, это чувство было совершенно взаимно.

Бо приблизилась к нейроманту вплотную и обняла его. Под ее руками он слегка обмяк; по крайней мере, уже не напоминал один напряженный комок нервов.

– Успокойся, – мягко произнесла девушка. – Я счастлива, потому что ты рядом. Мне больше ничего не надо.

– Я хочу полноценную семью, – помедлив, сказал беглый стаббер.

И тут же почувствовал, как она вздрогнула.

– Гром... – пробормотала девушка.

– Знаю, знаю. Но, раз уж мы заговорили, я вспомнил...

– Пожалуйста, не надо.

Он закусил губу. Делать вид, что ничего не случилось, было тяжело, но он прекрасно понимал, что Бо еще больней, чем ему самому. В конце концов, девушка винит в случившемся именно себя – ведь это она носила их ребенка, а, значит, с нее и спрос. Гром не раз говорил, что это полная чушь и что виноват во всем только он, но если Бо во что-то уперлась, ее уже не переубедишь. Именно поэтому они старались не затрагивать тему прошлого.

– Все обязательно придет в норму, слышишь? – прошептал нейромант.

– Все уже пришло в норму, – с нажимом сказала девушка, одарив его красноречивым взглядом исподлобья.

– Ладно, как скажешь, – вздохнув, сдался Гром.

Это было чертовски тяжело – он мог устроить хорошую взбучку нео, мог с помощью Щелкуна прищучить даже био, но всегда пасовал в споре с собственной женой. Есть в женщинах все-таки какая-то странная необъяснимая сила, природу которой мужчинам попросту не дано понять.

Бо благодарно улыбнулась ему, и обида Грома улетучилась, как ее и не было.

– Что будем делать? – спросила жена.

– Пойдем домой, – предложил он, мотнув головой.

– Пойдем, – легко согласилась Бо.

И они устремились к развалинам, в которых устроили себе скромное гнездышко.

* * *

Воевода сидел в кресле и читал бумаги за авторством Книжника, когда в дверь постучали.

– Входите! – зычно воскликнул хозяин покоев.

Дверь отворилась, и внутрь заглянул перекошенный стрелец. Лицо показалось воеводе знакомым, но имени он, конечно же, не помнил – столько повидал воинов на своем веку, что всех выучить не было никакой возможности.

– Разрешите обратиться? – спросил вновь прибывший. – Мне сотник велел к вам напрямую... идти.

«Сотник?»

Похоже, дело было действительно важное.

Воевода отложил в сторону бумагу с текстом и, сплетя пальцы рук перед собой, сказал:

– Обращайся. Что стряслось?

– Сбежали, – шумно сглотнув, ответил стрелец.

– Кто сбежал? – не понял воевода.
– Заключенный, который в остроге был... и Игорь.
– Постой-ка... Игорь – это который дружинник бывший? Которого в Тушино киоранили, и мы его к вам в Корпус перевели?
– Ага, – энергично кивнул стрелец.
– Так а... он что, с острога куда-то ушел? Вместе с пленником? Или что?
– И с острога... и с крепости тоже.
– То есть как – с крепости?
– Я – Игоря сменщик, – терпеливо объяснил незванный гость. – Вчера он разменяться попросил, две смены подряд взял, ну я, не будь дурак, согласился. Пришел его сегодня менять – нету. Ну, думаю, мало ли... прикорнул, может, где-то в закутке? Кинулся – а пленника нет. Я к десятнику. Подняли бучу. Тут до ребят на воротах дошли, а они говорят – был такой, выехал наружу вместе с мужиком каким-то, верхами. Сказал, ваш, воеводы то есть, приказ.

Хозяин покоев слушал и не мог поверить своим ушам. То, что Игоря так запросто выпустили из города, его удивляло не особо: парня в крепости знали, как героя, поэтому и доверяли, как себе. А вот почему герой вдруг выкрал старого дружинника и вывез его из Кремля, для воеводы оказалось загадкой.

«Должна быть какая-то причина, – подумал воевода. – Не мог вчерашний герой просто взять и крепость покинуть... Видно, ему Казимир что-то наплел...»

Утренняя встреча с седовласым дружинником прошла странно. С одной стороны, воевода был рад видеть старого товарища. С другой стороны, его появление через девять лет выглядело, мягко говоря, подозрительно.

– И как же ты тогда умудрился вернуться, если старшие шамы вас всех там контролировали? – резонно осведомился воевода.

Казимир в ответ на это сказал, что на время ночного сна шамы ослабевали контроль над пленниками, и однажды он, воспользовавшись случаем, сбежал из камеры через дыру в стене, которую шамы отчего-то не заделали.

– Она была ужасно узкая, но я так хотел выбраться, что протиснулся даже в нее, – объяснил седовласый дружинник и в качестве доказательства продемонстрировал ободранные плечи и ноги.

Объяснение показалось воеводе не очень убедительным, и он взял паузу, чтобы еще раз все обдумать... но, как выяснилось, она оказалась чересчур велика.

«А Захар, интересно, не с ними?» – осенило вдруг воеводу.

Захар был побратимом сбежавшего Игоря и самым преданным другом. А с друзьями ведь обычно делятся своими планами...

«Чем черт не шутит?..»

– Найдите мне десятника Захара! – велел хозяин покоев.

– Будет сделано, воевода, – отрывисто кивнул стрелец и вышел, хлопнув дверью.

Воцарилась тишина. Главнокомандующий крепостных войск смотрел в стену перед собой и размышлял о случившемся.

«Может быть, было бы лучше, если б Казимир не возвращался...» – подумал он.

Правда, тут же прогнал эту мысль прочь. Все-таки Казимир был своим, но сама перспектива отправлять людей за Купол, да еще в логово старших шамов, которым человека подчинить проще, чем пальцами щелкнуть, выглядела не самой радужной. С тем же успехом можно было отряд за отрядом слать в Провал, Удильщика ловить – совершенно идентичное по безнадежности занятие.

«И тем не менее своих бросать в плену не дело. Тем более что из них там еще мерзкие шамы кровь попивают время от времени... Бр-р!»

Воевода откинулся на спинку.

«А ведь отец Игоря тоже был в отряде Казимира, – вдруг осенило воеводу. – Неужто тоже выжил? Вот этим он, наверное, парню голову и задурил...»

Он в сердцах обрушил на стол кулак. Ну точно! Игорь, он такой, его хлебом не корми, дай кого-нибудь из беды выручить. Побратима сначала в Строгино спасал вместе с грузом патронов, потом – целый отряд, с тем же самым побратимом... а тут вообще – отец, которого девять лет не видел. Разумеется, его так и подмывает действовать.

«И что в этой ситуации делать нам?» – угрюмо глядя в стену, подумал воевода.

Пожалуй, для начала – дождаться Захара.

Глава 2

Брат за брата

– Видишь их? – шепотом спросил Казимир.

Игорь, высунувшись на полголовы из-за подоконника, промычал:

– Угу.

– Так же, трое?

– Угу.

– Значит, трое... – пробормотал седой дружинник.

Стрелец, не отрываясь, следил за пауками-мясоедами, которые ошивались по соседнему залу, широкому и с высоким потолком. В общем-то, ничего страшного в этих тварях не было: для двух дружинников это так, разминка. Многоногие муты обычно нападали на всякое мелкое зверье, которым и питались, против взрослого же мужчины осмеливались идти только вдвое большим числом и то – лишь в случае крайней необходимости.

Но Игорь все равно заметно переживал. Во-первых, его нынешние кондиции оставляли желать лучшего, а, во-вторых, именно с этим тварями у дружинника было связано самое яркое воспоминание из детства – когда он, шестилетний, вместе с Захаром впервые выбрался в московскую Зону через потайной лаз, вырытый то ли крысособакой, то ли мутировавшим червем. Тогда подобный паук едва не прикончил двух самонадеянных мальчишек, которые сочли себя достаточно взрослыми, чтобы отправляться во внешний мир. Шрам на лице Захара до сих пор служит вечным напоминанием о той сомнительной вылазке, Игорь же, по счастью, обошелся без увечий.

Разумеется, теперь от того напуганного мальчишки остались только имя, волосы, светлые, будто рожь, да крайне неприятные воспоминания, но даже этого хватало, чтобы не рваться в бой, сломя голову.

– Ты чего застыл? – толкнув спутника в бок, осведомился Казимир. – Пока мы тут торчим, наших фенакодусов другие муты десять раз сожрут!

Игорь вздрогнул и покосился на беглеца.

– Да ничего... порядок, – вяло пробормотал он.

– Мне чего-то все больше кажется, что ты впервые в Зону выбрался, – заметил дружинник.

– Да я излезил все Строгино и Тушино, – раздраженно огрызнулся Игорь. – А ты говоришь – впервые...

Он не любил хвастать своими походами, но еще меньше – когда его считали за зеленого юнца. Пусть рейдов на его совести, по сути, было не так много (пальцев одной руки хватит, чтобы сосчитать), но каждый из них стоил доброго десятка обычных вылазок за обломками арматуры.

– Ну а чего ты тогда трех мясоедов вонючих испугался-то? – хмуро осведомился Казимир.

Игорь хотел рассказать о своих ранениях, уже даже рот открыл, но вовремя спохватился: еще чего не хватало – собрату по оружию на жизнь жаловаться! Поэтому он собрал волю в кулак и сказал:

– Я не боюсь их. Просто не хочу, чтобы нас застали врасплох их собратья, если их тут больше, чем три!

– Это правильно. Это молодец, – похвалил соратника Казимир. – Но сейчас не стоит так уж усердствовать. В конце концов, это всего лишь пауки. Если мы с ними тут возимся

по полдня, у логова шамов ты, наверное, лет сто стоять будешь, прежде чем внутрь зайти осмелишься?

Игорю стало жутко стыдно за себя и свои нелепые страхи. Действительно – нашел, чего бояться!.. Подобного паука юнак Захар ножичком прикончил, значит, для дружинников это вообще дело плевое. Собрав волю в кулак, Игорь потянул из кольца на поясе верный меч.

– Пошли уже, хорош лясы точить.

– Ну вот, другое дело, – усмехнулся Казимир.

Он последовал примеру товарища и, с клинком в правой руке, первым устремился в зал к паукам. Игорь старался не отставать, боясь, что любое промедление может быть истолковано, как трусость.

Пауки, завидев хомо, сначала надулись от злобы и ненависти, но Казимир тут же продемонстрировал, что ловить тут мясоедам совершенно нечего: меч седовласого дружинника рассек воздух и разрубил голову ближайшего к ним мута напополам. Хлынула кровь, вперемешку с мозгами, но бородач не обратил на это никакого внимания. Пинком ноги оттолкнув дрожащую в конвульсиях тварь, Казимир метнулся к второму монстру. Тот уже собирался улизнуть, однако от дружинника оказалось не так просто сбежать – меч разом перерубил три лапы, и паук завалился набок, отчаянно вереща. Впрочем, кричал он недолго: клинок в два взмаха заткнул его уродливую пасть.

Игорь, понимая, что оставаться в стороне нельзя, бросился за третьим мутотом, но проклятое увечье не позволило догнать обезумевшую от страха тварь. Боль пронзила позвоночник столь внезапно, что дружинник лишь чудом удержался от позорного вскрика. Скрипя зубами, он повернулся к Казимиру. Седовласый дружинник угрюмо рассматривал спутника, пытаясь, видимо, оценить, насколько здоров его юный компаньон.

– Что не так? – спросил Игорь, невольно отводя взгляд.

– А ты правда уверен, что готов ехать в Митино? – спросил Казимир.

– Выбора у нас все равно уже нет, – покачал головой светловолосый стрелец. – Нас теперь в Кремле считают за предателей.

– Тебя считают, – поправил седой дружинник.

– А, ну а тебя я, конечно, силком из острога вытащил, – усмехнулся Игорь. – Пошли уже к схорону.

Он устремился к куче хлама в углу, однако, когда проходил мимо бородача, тот ухватил его за руку, останавливая.

– В чем дело? – мигом напрягшись, сухо осведомился стрелец.

– Ты действительно уверен, что хочешь туда идти... вдвоем? – спросил Казимир. – Ты не подумай, я без предрассудков. Просто там ведь старшие шамы... Что мы против них сможем сделать?

– Для начала мы можем хотя бы разведать обстановку, – ответил Игорь. – А уж потом что-нибудь придумаем, не беспокойся.

Он вырвал руку и продолжил свой путь к горе обломков, густо присыпанной пылью.

– То есть вот так ты себя ведешь в Зоне? – бросил Казимир ему в спину. – Главное – решиться, а там «что-нибудь придумаем»? Это шамы, сынок. Они тебя учуять могут очень быстро, у них там какие-то... в голове...

– Ментальные способности это называется, – отозвался стрелец, не оглядываясь.

Достигнув цели, он опустился на корточки и принялся отбрасывать в стороны обломки кирпича, ржавые железки и прочий строительный мусор.

– Да плевать мне, как это называется! – раздраженно воскликнул Казимир. – Я девять лет у них в плену просидел! Девять, Игорь! Там некоторые свои имена забывали, а ты меня названиям поучаешь!

Стрелец замер с обломком кирпича в руке. Ему опять было стыдно – в который уж раз за последний день. Путешествовать с человеком, который годится тебе в отцы и на своем веку повидал в сто раз больше, чем ты, оказалось трудней, чем думал Игорь. Не то, что Казимир был такой уж несносный попутчик, дело не в этом. Просто порой стрелец забывался, а седовласый дружинник не чурался ставить его на место, и получалось неловко.

– Заговорился я, – буркнул Игорь, отбрасывая кирпич в сторону. – Виноват.

– Не нужно мне твое признание вины, – фыркнул Казимир. – Скажи мне просто, что ты на самом деле собираешься делать? Вдвоем мы в логово не полезем, это понятно. Но не можем же мы посмотреть... и уйти обратно в Кремль?

– Нет, в Кремль мы не пойдем, – сказал Игорь.

Под очередной корявой железкой обнаружилась знакомая доска. Замирая сердцем, парень ухватился за нее обеими руками и потянул на себя. Доска упиралась: сверху на ней лежало еще немало хлама, но разгребать все было слишком долго.

– Тогда каков план? – не унимался Казимир.

Доска шла медленно, по сантиметру, но шла.

– В Тушино у меня есть... знакомые. Которые мне могут помочь, если... совсем уж припечет.

– Что? – не поверил своим ушам седовласый дружинник. – Знакомые? Так, может, нам их сразу с собой взять, этих твоих знакомых?

– Прежде чем тащить их с собой, я должен сам увидеть это... логово шамов, – покачал головой Игорь.

– А моего рассказа тебе мало? Или ты что... – Казимир сузил глаза до щелочек. – Ты мне не веришь, что ли?

Доска наконец выскочила наружу, и Игорь, тихо цокнув языком, сказал:

– Дело не в «не веришь». Просто сам хочу все увидеть. Вдруг ты сбежал, а они с горя всех пленников сожрали, и смысла идти уже нет?

Пластырь из коры березы-мутанта был на прежнем месте.

– Ну да, девять лет не жрали, а тут сразу всех, – саркастически произнес Казимир.

– Понимаешь, те мои знакомые, они... – Игорь запнулся. – Я бы не хотел к ним идти, пока все не перепроверю и не пойму, что без них мне не обойтись.

Он перевернул доску и еще раз одобрительно цокнул языком: пистоли – есть, сменные магазины к ним – тоже.

Уцелел схорон.

– Что же это за знакомые такие? Не друзья? Подельники какие-то?

– Почему же? Самые настоящие друзья, – совершенно искренне ответил Игорь.

Он вытащил из-за пазухи нож и перерезал пластырь. Один пистолет и одна запасная обойма скрылись в кармане; второй «комплект» стрелец зажал в руке, поднялся и, обернувшись, протянул оружие Казимиру.

– Поэтому и не хочу их дергать зазря, – добавил Игорь. – Друзей не хочется понапрасну в неприятности втягивать.

«Потому что настоящих друзей – не так много, чтобы подвергать их жизни опасности».

– Ну, как знаешь... – со вздохом сказал Казимир.

Он забрал пистоль и магазин, проверил обойму и спрятал оружие в карманы куртки, после чего развернулся и пошел к выходу из зала. Ботинки его хлюпали по крови пауков, разлитой по полу, но седовласый дружинник не обращал на это внимания.

– Я прекрасно понимаю твое желание не вмешивать друзей в свои беды, – бросил он на ходу. – Да только сейчас очень велик шанс, что, пойдя вдвоем, мы просто не сможем вернуться в Тушино.

Игорь невольно вздрогнул.

– Думаешь, сожрут нас?
– Думаю, хуже, – не оборачиваясь, покачал головой Казимир. – Оставят в живых.
И вышел наружу, туда, где их дожидались преданные фенакодусы.

* * *

Занимался рассвет. Солнце окрасило небо на горизонте в кровавый багрянец, и свет этот, неверный и несколько лживый, стал паутиной расползаться среди обветшалых полуразрушенных домов. Каждый из них имел свою историю, в каждом прежде жили люди, но Последняя Война заставила их оставить жилье и уйти под землю в робкой надежде спастись. Кому-то это удалось, но большинство почило, не успев даже достичь заветных бункеров. Бомбы сыпались с неба, точно град, и от некоторых районов остались лишь пустыри с грудами строительного мусора на тех местах, где прежде были шумные, светлые многоэтажки, сверху донизу наполненные жизнью, точно градусники – ртутью.

Воинство Захара возвращалось домой из разведывательного рейда. В общем-то, эта вылазка ничем не отличалась от большинства прочих: ничего особенного не нашли, но и людей при этом не потеряли. Настроение у разведчиков было вполне хорошее – каждый мечтал поскорей вернуться в крепость, к женам с детишками, навестить матерей, коль живы, и поесть домашней похлебки вместо уже давно осточертевших консервов.

И вот впереди показались знакомые очертания Кремля.

– Рядом уже, – сказал Захар, обернувшись через плечо.

В московской Зоне он старался без нужды голос не повышать, ибо велик был риск привлечь тварей, обладающих не в меру острых слухом.

Дружинники, прекрасно знающие об этой привычке командира, передали его слова задним.

– Как думаешь, с Игорем все так же? – спросил Богдан, фенакодус которого шел справа, с захаровским скакуном вровень.

– Лекари говорят, ничего и не изменится, – угрюмо ответил командир. – В ближайшее время уж точно.

– Как-то даже... не верится. Несправедливо это, – заметил дружинник. – Мы там сидели, под замком, а он туда-сюда мотался... и в итоге больше других получил.

– Не трави душу, – поморщился Захар. – Несправедливо... А когда пацан в первый рейд выходит и умирает, километра от Кремля не отъехав – это что, справедливо? Забудьте вы уже это слово, сколько вам все втолковывают – я, отец Филарет, воевода...

Он хотел сказать что-то еще, но замер с открытым ртом, а через мгновения натянул поводья, останавливая фенакодуса.

– В чем дело? – последовав его примеру, одними губами спросил Богдан.

Остальные, видя, что направляющие затормозили, тоже придержали скакунов. Отряд застыл; все вслушивались в гомон московской Зоны, пытаясь определить, что же услышал их командир. Захар меж тем медленно вертел головой из стороны в сторону. Он все не мог понять, кто издал тот странный звук, который привлек его внимание.

И вот шум повторился – к неудовольствию Захара, теперь гораздо громче. Неведомая тварь, судя по всему, стремительно приближалась к ним.

«Что ж это за крик такой? – подумал десятник с тревогой. – Ни на что не похоже...»

Командир поднял левую руку и первым устремился к стене ближайшего здания. Дружинники этот жест отлично знали и отправились следом за предводителем, не задавая лишних вопросов. Не сводя глаз с угла дома, Захар опустил ствол автомата на голову верного фенакодуса, готовый моментально вскинуть его и открыть огонь по неведомой твари... которая, к слову, закричала в третий раз.

«Через секунд пять-десять уже покажется, – отметил про себя десятник. – Не успеем...»

Краем глаза он смотрел на дверной проем. Увы, по его прикидкам, дружинникам не под силу было опередить таинственного монстра и скрыться внутри прежде, чем тот выскочит из-за угла.

Можно, конечно, сжать фенакодусам бока и ускориться, но не наделают ли они при этом такого шума, что мут легко поймет, куда делись хомо? Вот она, извечная внутренняя борьба с самим собой – рискнуть или действовать по инструкции? Порой эффективней одно, порой следует уповать лишь на удачу... и, по иронии, никогда не знаешь, какое решение лучше всего подходит для твоего конкретного случая!

Крик повторился в четвертый раз, и из-за угла вылетел «Раптор» – как раз в тот момент, когда фенакодус Захара был в шаге от заветного дверного проема. Выглядел био неважно: заводской хвост он где-то утратил, кузов покрывали многочисленные вмятины, а из двух глаз горел красным только один – второй будто выклевал кто-то. Однако и его вполне хватило, чтобы заметить отряд из десяти хомо. Быстрые ноги понесли био навстречу добыче; судя по всему, он был зверски голоден.

Тут же стало понятно, что за звук привлек Захара – оказалось, что это вовсе не крик, а протяжный скрип несмазанных шарниров.

– В дом! – рявкнул десятник.

И снова дружинники не спорили – правда, на сей раз в их взглядах замелькало сомнение: никто не хотел бросать командира на растерзание «ящера». И тем не менее предводитель отдал приказ, а, значит, послушаться его бойцы не имеют права. Воины Кремля один за другим спрыгивали со спин верных фенакодусов и, ведя их за уздцы, скрывались внутри. План Захара был понятен: прикрыть отход своего воинства автоматным огнем, после чего, по возможности, спрятаться в здании самому. «Раптор», бесспорно, способен достать людей и в доме, но для того, чтобы туда проникнуть, ему придется неслабо потрудиться – ведь с его габаритами через дверной проем не войдешь, надо стену ломать. В общем, Захар действовал правильно, но слишком уж самоотверженно. Десятник не должен столько брать на себя, в конце концов, он ведь – вожак, предводитель, его задача – вести за собой людей, а не прикрывать их отход, рискуя больше прочих. И это не говоря о том, что ценность командира для Кремля всегда выше рядового дружинника. Именно поэтому Богдан воскликнул:

– Давай я его задержу!

– Шуруй уже, – буркнул Захар. – Не отвлекай.

«Раптор» несся к ним, но, по счастью, его увечья не позволяли био развить привычный темп: несмазанные механизмы замедляли тварь, а отсутствие хвоста лишало ее изрядной доли маневренности. Захар, отлично помнящий уроки отца Филарета, знал, что, лишившись заднего отростка, стальные «ящеры» становятся довольно-таки неуклюжи. Грубо говоря, подобный био рискует в любой момент пропахать по земле, если забудется и попытается вытворить нечто из того, что делал прежде, еще до утраты хвоста.

И в задачу десятника входило дезориентировать тварь, чтобы она расвирепела и сама доставила себе хлопот.

Именно поэтому десятник открыл огонь не сразу, а терпеливо дождался, пока «Раптор» наберет порядочную скорость. Сердце Захара бешено стучало в грудную клетку, а треклятое воображение по традиции рисовало образы, один ужасней другого, но с неизменной концовкой – в которой «Раптор» легко разрывал предводителя дружинников на части.

Десятник быстро оглянулся: на улице все еще находились трое воинов, включая Богдана, который замыкал цепочку и периодически косился на командира. Скрипнув зубами, Захар снова обратился к стальной твари.

«Пора!»

Он вскинул автомат и открыл огонь.

Пули застучали по ржавой броне изувеченного био, и он невольно сбавил ход. Учитывая его скорость, это далось «ящеру» совсем непросто, и тут-то как раз сказалось отсутствие пресловутого хвоста: из-за смены темпа «Раптора» повело вбок, и он, потеряв равновесие, рухнул на землю и так прокатился несколько метров. Захар, не теряя времени даром, сменил рожок автомата и вновь открыл огонь, целя в металлическую черепушку био: там, кажется, из-за падения образовался просвет между стальными пластинами.

«Раптор» заверещал дурным голосом, зловеще сверкнул единственным глазом и попытался резко встать...

Но не смог.

Захар продолжал нажимать на спусковой крючок до тех пор, пока не кончились патроны. Он до последнего не верил, что био сдался так просто. Но, видимо, сказались былые повреждения. Не будь их, и пули десятника ни за что не поразили бы мозг прожорливой металлической твари.

Ну и, конечно же, без определенной доли везения не обошлось – без удачи в московской Зоне никуда. Благодаря отцу Филарету дружинники знали, кто такие био, знали их основные повадки, габариты, но ни один Мастер Кремля не способен научить юнака уничтожать био – просто потому, что их броню, если она более-менее цела, даже крупный огнестрел не берет. Вот и приходится действовать по ситуации, надеясь, что в этот раз фортуна окажется на твоей стороне, и ты переживешь новую передрагу.

Сейчас – повезло.

– Готов! – донесся из-за спины голос Богдана. – Ей-богу, готов!

Захар медленно опустил автомат. Руки его мелко дрожали, а сердце отбивало такой бешеный ритм, что, казалось, его ребра вот-вот рассыплются в пыль. Фенакодус под ним стоял смиренно, спиной ощущая, до чего взволнован его хозяин.

«Возьми себя в руки! – мысленно прикрикнул на себя десятник. – Ты же их вожак!»

Самоуверенное подействовало отрезвляюще, точно добрая отцовская оплеуха. Командир тихо кашлянул и, развернув скакуна, с невозмутимым видом скомандовал:

– Богдан! Скажи остальным, надо уходить, пока другие био не сбежались.

Товарищ отрывисто кивнул: отец Филарет всегда подчеркивал, что «Рапторы», ввиду малых (на фоне других роботов) габаритов любят сбиваться в стаи и так охотиться на мелкое зверье, нео и хомо. И то, что к ним выскочил всего один «ящер», по сути, было очередным подарком судьбы.

«Так что лучше поспешить и не испытывать ее понапрасну», – решил Захар про себя.

Потому что судьба слишком переменчивая особа и не любит постоянно благоволить одним и тем же.

* * *

– Спокойного дежурства! – привычно поприветствовал Захар привратников.

Стрельцы переглянулись.

– С возвращением, – угрюмо ответил один из них.

– Тебя воевода хочет видеть, – добавил второй.

– Сам воевода? – недоуменно выгнул бровь десятник.

Захар невольно задумался, чего от него может хотеть главнокомандующий. Сам рейд в московскую Зону его вряд ли волнует – если б каждый десятник отчитывался непосредственно перед воеводой, к его покоям очередь бы стояла от самых крепостных ворот. Но что еще могло понадобиться их предводителю?

– Слушай, ну мы с дороги только, – вклинился в разговор Богдан. – Надо ведь фенакодусов в стойло вернуть, накормить-напоить, самим отдышаться...

– Воевода распорядился, чтоб сразу ехали, – пожав плечами, сказал первый стрелец. – А скакуна твоего, Захар, мне велели отвести.

«Значит, и впрямь что-то очень срочное, – понял десятник. – Но что?»

Он спешился, передал поводья стрельцу и пошел в глубь крепости к Военному Приказу, не переставая ломать голову, зачем же его хотят видеть так скоро. Вариантов, в общем-то, было множество, однако все они казались какими-то мелкими и недостаточно срочными.

«Наверное, какое-то задание-«молния», которое можно доверить только мне, – догадался десятник. – Вот только почему он именно меня выделил? Чем я заслужил?»

С самого детства Захару прочили блестящую карьеру. Он был отменно развит физически, усерден и трудолюбив; среди юнаков он считался если не лучшим, то уж точно одним из. В восемнадцать вчерашний мальчишка стал настоящим дружинником и отправился в первый рейд, потом во второй, третий... Отлично проявив себя, Захар очень скоро дорос до звания десятника и получил под свое командование отряд. Потери, конечно же, были, куда без них, но все отзывались о свежеиспеченном предводителе очень хорошо. Захар не отличался самодурством, старался всегда действовать по уму, не полагался на геройства... словом, действовал, как его учили, дело спорилось, и уверенность в своих силах только крепла.

А потом в его десяток влился побратим Игорь... и все внезапно пошло наперекосяк.

Сначала их отряд попал в засаду нео – что уже само по себе было удивительно, ведь дикари всегда нападали беспорядочно, а тут застали кремлевских врасплох. Позже выяснилось, что нападение помог организовать Вадим, маркитант из Строгино, который, презрев свое людское происхождение, безо всякого стеснения вел дела с дикарями. В тот день погибли восемь дружинников, самого Захара нео взяли в плен, а Игорь пропал, но, к счастью, смог найти побратима и вызволить его из лап треклятого торгаша.

Само собой разумеется, что такая трагедия не могла пройти для командира бесследно. Потерять весь отряд!.. Да кто вообще пойдет к такому командиру? И хоть в Кремле никто, включая воеводу и князя, не осудил Захара – случай все же был, мягко говоря, нерядовой – сам он былую уверенность утратил. Следующий рейд, меж тем, прошел фактически без приключений, но вот вылазка в Тушино обернулась новой драмой: очередная оплошность десятника привела к смерти дружинника, и остальные разведчики настояли, чтобы Захар на время похода передал бразды правления своему нареченному брату. Это было сродни удару под дых, коварному, неожиданному, а оттого вдвойне неприятному. Потом случился очередной плен... и снова всех спас Игорь.

Правда, на сей раз – едва ли не ценой собственной жизни.

«Прав Богдан, – с грустью подумал Захар, уже подходя к крыльцу. – Несправедливо все вышло. Может, даже смерть была бы более гуманным исходом... как бы ни хотелось о ней говорить».

Всю дорогу из Тушино в Кремль Захар молил Бога, чтобы тот сохранил Игорю жизнь. Игорь выжил. Тогда Захар стал молиться, чтоб он снова смог ходить. Игорь встал через пару недель. Но, как ни пытался десятник упросить Всевышнего о возвращении былого здоровья, даже намек на это не ожидалось.

Видно, исчерпал Захар лимит благосклонности со стороны небожителя.

Иными словами, слишком многого хотел от Бога.

– Заходи, он уже ждет, – сказал один из стрельцов, едва десятник оказался в коридоре.

Захар смерил двух мечников хмурым взглядом. Помнится, Книжник настаивал на соблюдении канона и упрашивал воеводу вооружить их алебардами, но он, как человек, далекий от службы, просто не понимал, что алебардой в таком узком коридоре не размах-

нешья. То есть превратятся люди из бойцов в обыкновенных истуканов – красивых, каноничных, но истуканов. И чтобы этого не допустить, им оставили мечи.

– Спокойного дежурства, – пробормотал Захар, шагая к двери.

Стрельцы благодарно кивнули: у них, по счастью, служба всегда была более-менее спокойной. Это вам не со стен мутантов всякой дрянью поливать да обстреливать. Хотя, конечно, о возможности покушения тоже никто не забывал, поскольку умные полководцы стремятся не перебить всех врагов, а прежде всего обезглавить их армию, убив командира.

Благо, судьба нечасто сводила обитателей крепости со столь умными полководцами.

Постучав, десятник приоткрыл дверь и заглянул внутрь:

– Вызывали, воевода?

– А, Захар! Входи, – мигом оживившись, махнул рукой главнокомандующий.

Десятник вошел. Хозяин кабинета отложил в стороны бумаги и, громко причмокнув, сказал:

– Не буду ходить вокруг да около: твой побратим минувшей ночью самовольно покинул крепость и отправился в московскую Зону.

Захар выпучил глаза, хотел тут же засыпать воеводу вопросами, но тот выставил перед собой руку, призывая десятника к молчанию, и продолжил:

– И я хочу знать, известно ли тебе было что-то о таких его планах? Теперь можешь говорить.

– Мне? – еще больше удивился Захар. – Да я вообще... честно говорю, воевода, ни сном, ни духом. Все, чего он хотел – это поскорей вернуть свои навыки. Для этого упражнялся – в казармах, в остроге, когда было время... Но про самоволку я, клянусь Богом, слышу впервые.

Хозяин кабинета задумчиво жевал верхнюю губу и с интересом разглядывал стоящего перед ним воина. Захар примерно догадывался, о чем размышляет их главнокомандующий: наверное, прямо сейчас он пытается понять, не покрывает ли десятник своего любимого побратима. Но об этом, конечно же, и речи быть не могло. Да знай Захар о планах своего товарища, практически родича, без приказа покинуть крепость, разве позволил бы? Разве не уберег бы от столь глупого шага?

«Но зачем он это сделал? Чтобы доказать самому себе, что он все еще может быть дружинником? Не верю, что ему в голову пришла такая идиотская мысль...»

– Значит, впервые слышишь... – протянул воевода.

Пальцы его застучали по столешнице в неведомом ритме.

– Впервые. Я, кстати, Игоря уже несколько дней не видел – с тех пор, как в рейд отправился.

– Что ж, пусть так. И ты, конечно же, не знаешь, куда он поехал и с кем?

– Я ничего не знаю, – честно признался Захар. – Вот вообще.

Воевода устало вздохнул.

– Видишь ли, что вышло, – сказал он, будто с неохотой. – Десятник Прокофий – ты ведь помнишь такого?

Захар кивнул.

– Так вот он возвращался из рейда и случайно встретил на подходе к Кремлю дружинника Казимира, отряд которого пропал в Строгино девять лет назад, – продолжил воевода.

– Что-что? – хмурясь, переспросил Захар.

Он ушам своим не мог поверить. Дядьку Казимира он помнил прекрасно, но уже давно смирился с его смертью. И вдруг воевода заявляет, что покойный восстал из мертвых и вернулся в Кремль...

«Да как такое возможно?!»

– И где сейчас Казимир? – быстро осведомился десятник.

– С твоим побратимом, – ответил хозяин кабинета.

– Но... как... и зачем? Зачем они покинули крепость?

– Я не знаю. Но предполагаю, что Казимир потащил Игоря вызволять Бориса – его, Игоря, отца. Иной причины, способной выманить твоего побратима из Кремля наперекор приказам сверху, я не вижу.

– Так а Борис... он что, тоже жив? И где он? Почему не с Казимиром вернулся? И где вообще все это время был Казимир, он что-то рассказывал же? Объяснял?

Воевода опять вздохнул. Хоть вопросы Захара были вполне обоснованы и логичны, отвечать на них главнокомандующему никакого удовольствия не доставляло.

– Отряд Казимира все это время находился в плену у шамов, – пояснил хозяин кабинета. – Вампиры не ели их, но заставляли охотиться и пили их кровь.

Захар тихо охнул. Он и представить себе не мог, что мутанты способны издеваться над пленниками столь изощренным образом. Десятник слышал про шамов, которые путешествовали по Зоне с кортежем из двух-трех людей, чтобы всегда иметь возможность подкрепиться свежим мясом. Но чтобы держать десяток хомо в плену годы напролет и методично попивать их кровушку... Подобное измывательство просто не укладывалось в голове.

– По крайней мере, так сказал Казимир, – добавил воевода.

Уточнение показалось десятнику странным.

– Вы ему не верите? – осторожно спросил он.

– Да не то чтобы... он же все-таки один из нас, – пожевав губу, отозвался хозяин кабинета. – Но пример Ратмира вынуждает рассматривать... любые варианты. А тут еще и история – из ряда вон.

Пальцы снова загуляли по столешнице.

– А где же их держали? – спросил Захар. – Казимир сказал?

– В Митино, – нехотя ответил воевода.

Десятник невольно присвистнул.

– А как же он... через Купол?

– Говорит, у шамов есть раствор специальный, – сказал хозяин кабинета. – Которым они в Куполе проходы делают. Якобы берешь колбу с таким раствором, швыряешь в Купол и ждешь, пока в его поверхности отверстие появится – временное, потом все равно затянется. Так, по крайней мере, Казимир рассказывал. Он даже мне колбу отдал, в качестве доказательства. Хочешь взглянуть?

– Ну... да, – неуверенно ответил Захар.

Воевода выдвинул верхний ящик стола и засунул туда руку. Пару мгновений спустя на стол легла небольшая колба с некоей мутной жидкостью. Десятник подошел поближе, осторожно взял странный сосуд в руку и поднес к глазам.

– Неужто это... – Захар кашлянул. – Поможет через Купол пройти?

– Если верить Казимиру, то да, – кивнул воевода.

– Вы позволите ее забрать? – спросил десятник.

– Забрать? – удивленно выгнул бровь хозяин кабинета. – Но зачем она тебе?

– А как я иначе в Митино попаду? Вдруг мы не успеем их перехватить раньше?

Некоторое время они пристально смотрели друг на друга. Во взгляде Захара был вопрос, во взоре главнокомандующего – удивление, помешанное с любопытством.

– То есть ты хочешь самолично отправиться за побратимом? – после крайне долгой паузы уточнил воевода.

– Ну а кто еще его может вразумить, если не я? – пожал плечами Захар. – Он же мне, по сути, младший брат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.